

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Кузница милосердия

Алексей Смирнов

Кузница милосердия

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Кузница милосердия / А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903921-7

Продолжение знаменитой врачебной хроники «Под крестом и полумесяцем», дополненное миниатюрами и рассказами разных лет — новая редакция.

ISBN 978-5-44-903921-7

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Кузница милосердия	7
Как вкусно просить прощения	8
Побег из курятника	9
Естественная монополия	10
Борзые талончики	11
Солитер	12
О деликатных тонкостях	13
Реакция на Реформацию	14
Транквилизатор	15
Визит дамы	16
Под водительством Мопассана	17
На линии доктор Кулябкин	18
Языковой барьер	19
Путь к сердцу мужчины лежит через желудок	20
Маврикиевна	21
Пиратия	22
Шубы	23
Диссиденты	24
Гангстер	25
В каждом рисунке – солнце	26
Нос	27
Холодный душ Шарко	28
Малый Апокалипсис	29
Ностальгия	30
Варангер-фьорд	31
Масоны	32
Одна снежинка – еще не снег	33
Готовь сани летом	34
Падения и выпадения	35
Матка-яйки	36
Хлопцы-кони	37
Про молодость, которая не знала, и про старость, которая не могла	38
«Прошу пана»	39
Functio laesa	40
Мобилизация	41
Три гипотезы	42
Живые и мертвые	43
«Курение вредит вашему здоровью»	44
Седые рецепты	45
Овощной Бог	46
Косарь и Отличница	47
Протозоя	48
Доктор Томсон	49
Горнило	50
Унтер-антидепрессант	51

Дрянная зависимость	52
Профессор Козьмин-Соколов	53
Эмблема печали	54
Folie a deux	55
Еще один довесок	56
Ноу Хау	57
Наследие розенкрейцеров	58
Теория Вирхова	59
Child Abuse	60
Романенко	61
Мсть и закон	62
Грезы и будни	63
Щелкунчик	64
Кодекс здоровья	65
Социальное научение	66
Несуны	67
Активное выявление	68
Электрокардиограмма	69
Fool-proof	70
Fool-proof-2	71
Хорошее	72
Абсолютный кошмар	73
Сектор «Приз»	74
Производственная гимнастика	75
Аппетит приходит во время еды	76
Лепрозорий	77
Противостояние	78
Киса	79
Таракан	80
Ядро	81
Качок	82
Беседка с выездом для кибитки	83
Женский батальон	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Кузница милосердия

Алексей К. Смирнов

Иллюстратор Несис Елишева

© Алексей К. Смирнов, 2018

© Несис Елишева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3921-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кузница милосердия

Все, что последует ниже, написано не про врачей и не про больных. То же самое можно было бы написать о ком угодно. Мне повезло побывать в прошлой жизни врачом, а потому медицина сделалась линзой, в которой сходятся жизнеописания. И мне очень не нравится, когда эти миниатюры называют «медицинскими байками». Я не рассказываю баек, все написанное – чистая правда.

Я глубоко признателен за помощь моим бывшим коллегам, особенно врачу Скорой Помощи Александру Иванову, моему другу еще со студенческой скамьи.

Один бы я не справился.

Было бы ошибкой увидеть во всем, что последует, продолжение хроники «Под крестом и полумесяцем», изданной издательствами «Геликон Плюс» и «Ракета» (в расширенной версии). Да и сами истории здесь не совсем похожи на те, что составили хронику. Длиннее они, что ли. Наверное, да. В этом все дело. Или в чем-то другом. Они и не хроника, потому что записывались по мере того, как вспоминались, а не как происходили в исторической последовательности.

Кушать подано, стол общий, язвенникам не читать.

Как вкусно просить прощения

Был такой детский рассказ, не помню, чей. Может быть, Драгунского. Там мальчик набедакурил, но потом извиняется: трогательно прижимается к маме и вдруг понимает, что это очень просто, и очень приятно, и «даже немножко вкусно – просить прощения».

Это «вкусно» мне запало в голову и всплыло, когда я читал дочке сказку, а в сказке был повар в белом колпаке, вот ребенок и спрашивает: зачем белый колпак?

– Ну, – говорю, – чтобы волосы в суп не падали. Тебе приятно, когда там плавают? А белый – чтобы все видели, что чистый. А то напялит себе черный, и поди разбери, день он его носит или месяц.

Много лет назад я учился и работал при кафедре нервных болезней Первого Ленинградского мединститута. Нет, уже Санкт-Петербургского медицинского университета. Сразу чувствуется разница. Дежурил, разумеется, по ночам. И вот меня вызывают в приемный покой на предмет расследования пьянства. Пьянство было раскрыто на пищеблоке; подозреваемая повариха доставлена, куда надо, и ждет моего вердикта.

Прихожу. Созерцаю.

Я человек либеральный, никого не осуждаю, все понимаю. Если что про кого напишу, так в документальном стиле, без оргвыводов. Но здесь я даже споткнулся. Повариха, которой не дали приготовить обед для всего института, стояла совсем испуганная и несчастная. На ней были белые одежды ангела. Этого ангела, ходившего к сынам человеческим, низвергли на землю; содрали в наказание крыла и хитон, постелили их у входа в адский сортир, где тысячи бесов вытирали о них свои черные копыта.

Потом одежды с крылами надели обратно на ангела, а на прощание выплеснули на фартук ночной горшок Люцифера.

И я не сдержался. Это был последний в моей жизни проблеск гражданского идеализма. Я приблизился, оттянул ляпочку фартука и обратился с такой речью:

– Послушайте, я все понимаю. Мне плевать, что вы выпили. Но вы же обед варили – что, что это? В каком вы виде?

Повариха вытаращила глаза, отшатнулась и пробормотала:

– Я больше не буду.

И я увидел, как это всем будет вкусно, прощение поварихи.

Побег из курятника

На поэтическом фуршете ко мне обратился застенчивый молодой человек, который, как выяснилось, занимается Рекруитментом, а потому читает идиотские книги в моем переводе. Вежливо и тонко хихикая в ответ на мои ядовитые реплики, он выразил надежду на какое-нибудь сотрудничество в перспективе. Не имея ничего против него лично, я в сотый раз содрогнулся при словах «работать в команде». Нет ничего страшнее для меня, чем делаться «командным игроком».

Всегда и везде я искренне ненавидел начальство за то, что оно за мной следило. Вот сейчас мне замечательно: сделал – и молодец. Не сделал – тоже молодец, просто съешь на один пирожок меньше. Зато в прежней жизни мне приходилось совершить столько побегов, что по накалу страстей, если взять их в совокупности, хватило бы и на Бастилию, стоявшую под охраной глупого Ла Раме, и на Шошенк, и на историю с Мотыльком и Дастином Хоффманом.

Я совершенно не умею сидеть и пучить глаза, когда все уже давно сделал. И в поликлинике, и в больнице у меня всегда существовало по два пути отступления, главный и запасной. Основная дилемма заключалась в верхней одежде. Если я вешал ее в кабинете, пользуясь королевской привилегией игнорировать, на зависть обычным смертным, гардероб, то мне приходилось бежать уже одетым, и я рисковал натолкнуться на какую-нибудь проверяющую сволочь. А если я катился вниз как бы по делу, то неизбежно задерживался в гардеробе, где тоже мог натолкнуться на сволочь. К тому же меня выдавала сумка, по которой сразу делалось ясно, какое у меня дело.

Так я сбегал на час, на два, на три раньше времени.

Однажды ко мне вошла начальница, пожевала губами и потребовала объяснений.

– Но я же все сделал, – сказал я жалобно.

– Часы надо высиживать, – не без сочувствия ответила та.

Но я видел, во что превращаются фигуры тех, кто высиживает многочасовые лечебно-профилактические яйца. И дело не в факте сидения, потому что сейчас я тоже все время сижу, и неизбежно располнел, но именно докторский стан после долгого высиживания приобретает какие-то своеобразные формы. Откладываются какие-то совершенно особенные, тугоплавкие жиры, впитавшие вялое атмосферное электричество...

– Так чем же мне заниматься? – спросил я.

– Работайте с документами.

И я работал с документами: сидел и уныло перебирал больничные листы, читая об уголовной ответственности за их неправильную выдачу – по закону, принятому в щедром на выдумки 1937 году.

А вот в больнице я постепенно обнаглел и на излете врачебной деятельности уходил уже через час после появления на работе. Я говорил, что пошел лечить зубы.

Наконец, там рассвирепели.

Вообще-то ко мне приставали и с другими придирками. Последний начмед, например, упрекал меня в убогости стиля при оформлении историй болезни. Я еще скажу об этом отдельно. Я не то чтобы исправился, будем скромнее, но я старался, и надеюсь, что ему еще представится случай ознакомиться с результатами.

Естественная монополия

Когда я работал в петергофской поликлинике, я был там добрым следователем.

Потому что поликлиника, как ее ни крути, тоже общечеловеческое учреждение – а значит, в ней должен быть следователь добрый и следователь злой.

Я всех принимал даже без номерка.

А мой коллега слыл жестоким извергом, он был бездушная машина. В сложном медицинском процессе его больше всего привлекала административная сторона. Он постоянно делал в карточках разные пометки с восклицательными знаками, не имевшие отношения к диагнозу, но очень важные для профилактики жалоб и наказаний – «Герой!», «Инвалид!», «Участник!», «Идет на ВТЭК!», «Хочет на ВТЭК!» и так далее.

А сам уже много лет как сошел с ума и бредил жилплощадью.

Его как огня боялись.

После «здрасте» со мной он вываливал из портфеля судебно-хозяйственные бумаги и, задыхаясь он торжества, начинал объяснять, кого и где он вывел на чистую воду.

«Липа!» – ликовал он, тыча пальцем в какую-то испуганную подпись.

Мы с ним были в большом дефиците. Сами к себе рисовали талончики, половину спускали в регистратуру, чтобы публика к нам с утра занимала очередь. Пока я работал, полегче было.

Уходил я однажды в отпуск.

Спустился в регистратуру взгрустнуть, попрощаться. А там уже мой коллега расхаживает. И облизывается, пальцем грозит, рисуя перспективы своего одиночного труда:

– Десять талонов отдам, и все.

Подумав, с неуверенной радостью:

– Будете у меня визжать!...

За стойкой притихли, глядели на него с веселым страхом и готовы были визжать уже прямо сейчас, с зачетом будущих лишений.

Борзые талончики

Крепостное право у нас сохраняется. Никуда оно не делось. Развиваем начатую тему. Вот меня, например, в поликлинике очень даже просто продавали. Низводя до талончика, ко мне на прием.

Придет к терапевтихе, а то и к самой государыне-заведующей, клуша. Принесет в авоське бутылку с конфетами, пшена, борзых щенков. Заведующая коньяк выжрет, пшена на пару с клушей поклует, щенков помучает. И, раздобрившись, делает ответную благодарность: выдает талончик, к невропатологу.

Клуше вовсе не нужный.

Но клуша – давно, естественно, этого талончика добивавшаяся – расцветает. Бежит ко мне, а я сижу и вообще не при делах. Кто такая? Ах, вам меня прописали...

Отрабатываю коньяк, булькающий в заведующем животе.

Не очень-то приятно, когда тебя продают.

Захотят – в солдаты сошлют, как бывало; захотят – поженят на медсестре. Или на той же клуше. Беседуешь с ней – и будто сорок лет с ней прожил. Будто при Анне Иоановне проживаешь, для ее идиотской забавы. Бироновщина.

Как у Тредьяковского выходит. Я тут Зощенко читал, так он цитирует его оду на венчание шута и карлицы:

«Здравствуйте, женившись дурак и дура.

Теперь-то прямое время вам повеселиться.

Теперь-то всячески, поезжане, должно беситься».

Солитер

Однажды до и после полуночи у меня состоялся телефонный разговор с одной знакомой. Она спрашивала совета: ее подруга почувствовала, что в ее кишечнике зародилась некая Жизнь. Дня два уже там существует. Зарождение Жизни сопровождается потерей аппетита и легким головокружением. Поскольку Господь по избытку великодушия даровал человеку право именовать всякую тварь, больная нарекла Жизнь Солитером. Эта мысль пришла ей в голову сразу, едва она вспомнила рассказы о Солитере, которые слышала давно.

Я привел себя в боевую готовность, но тут выяснилось, что подруга уже устала думать о Солитере и задремала.

Зато задумался я: почему же Солитер?

И как вообще возможно иметь суждение?

Я говорю об этом, будучи закоренелым агностиком. Таинственная Жизнь в кишечнике напомнила мне примечательный случай, рассказанный одной очень умной женщиной, психотерапевтом. К сожалению, ее уже нет в живых. К этой женщине ходил матерый эксгибиционист. Ему ничто не помогало; пробовали гипноз, рациональную психотерапию, гештальт, психоанализ – впустую.

Целительнице он надоел смертельно.

Однажды она погрузила его в легкий эриксоновский гипноз и заставила вообразить всякую всячину. Бедняга, как обычно, сразу увидел льва, который в подобных видениях равнозначен «Я». В сторонке от льва прогуливался папа. Папа эксгибициониста, не льва.

Лев этот тоже осточертел докторше. Она уже понятия не имела, что с ним дальше делать.

«Хорошо, – сказала она наобум. – Лев съел папу».

И лев съел папу.

На следующий сеанс клиент явился с букетом роз и прочими дарами. Он полностью выздоровел и теперь сиял.

Кто же мог знать?

А вы говорите: Солитер. С дурной уверенностью.

О деликатных тонкостях

На уроке сексуальной квалификации доктор Щеглов рассказал нам, что экспертиза эротической видеопроductии – дело весьма тонкое и непростое. Собирается важная комиссия, состоящая из солидных людей. Они отсматривают фильм и приглядываются: подтягивается ли во время совокупления мошонка. Если она подтягивается, то копуляция натуральная, а кино порнографическое, и за него надо посадить. А если висит, то это полное фуфло, обман потребителя, равнодушная имитация, она же – высокое, как известно, искусство. Сажать не надо, можно дать приз Венецианского кинофестиваля.

Вообще, эти уроки бывали очень познавательными. Один доцент, например, Петров ему фамилия, вел у нас цикл «Социальные аспекты сексологии». Он ничего другого не делал, кроме как пересказывал нам сцены из разных фильмов, особенно напирая на «Калигулу», и в глазах его, которые над аккуратной бородкой были, светилося неподдельное восхищение.

А профессор Либих – ныне покойный, как я понимаю, но если нет, то виртуально прошу у него прощения – задавал неожиданные вопросы: чем, например, должно пахнуть в уборной? И сам же отвечал, что в уборной всегда должно немножко пахнуть уборной. Он был милый человек, но очень сильно смахивал на Берию. Однажды он решил показать нам гипноз. Для этого, по его словам, ему нужно было выбрать идеальную кандидатКУ, и он пошел по проходу, выискивая сродственную, созвучную его душевному строю, фигуру. И вдруг, подавшись вперед, молча задвигал нижней челюстью. Я по сей день пытаюсь подобрать какой-нибудь подходящий аналог из животного мира, но безуспешно. Подвигал, походил, схватил одну самку. И загипнотизировал.

Реакция на Реформацию

В английской книге я с интересом причитал о современной наклонности к виктимизации. Что означает увеличение числа поводов вчинять иски и требовать компенсацию ущерба.

Особенно порадовала история о каком-то жителе Дикого Запада, который вдруг ни с того, ни с сего застрелил хорошего человека, а после оправдывался: я, дескать, поел несвежее из местного Макдональдса, так пусть столовая мне денег выплатит. А что стрелял – за то судите, ваша сила.

Такое, вообще-то, началось уже и у нас. Я, по-моему, рассказывал где-то о легком способе прожить весело и безбедно. Прийти в больницу, сказать, что головой ударился, получить бумажку о том, что мозги не сотряслись. Потом, через пару часов, явиться в другую больницу и там изложить все то же самое, но с устрашающими моментами: тошнит, крутит и вообще жить не хочется. Взять вторую бумажку: мозги сотряслись.

Потом подать в суд на первую больницу, тряся и размахивая ее первой же, безобидной бумажкой.

Появились особые гады-консультанты из медиков, которые всему этому учат. Вроде меня, прямо сейчас.

Одна, помню, совершенно спятила: ее отпустили живой и непоруганной, а она захотела судиться с дежурным урологом: почему он, мол, не проводил ее через больничный двор к автобусной остановке.

Все это дело готовилось зародиться и чуть не зародилось совсем, как при всамделишном порочном зачатии, году в 1987. Тогда объявили близость Реформы Здравоохранения. И, восхищенную слюну разметывая, говорили: если вы сломали ногу на улице, вам больничный не оплатят, но вы зато сумеете подать в суд на жилконтору, которая не посыпала тротуар соленым песочком.

Я все думаю, что вышло бы, реализуйся задуманное. Кто-то еще, видно, задумался, почесал репу. Представил виктимизацию в национальных масштабах и с коммунално-бытовой спецификой, да если добавить еще извечное, некрасовское правдоискательство – ой, ой!

В итоге что-то зреет, но как-то бродит уже, не очень удается.

Правда, недавно заасфальтировали кусочек улицы близ моего дома – поверьте, что я бы меньше удивился, явись ко мне английская королева. Но это же черные себе подъезд облегчали, которые магазин купили. Теперь не стыдно и в иномарке показаться, с пузом-то растегнутым.

Транквилизатор

Короткая история, моментальный снимок. Snapshot, как говорят в народе.

В годы работы в поликлинике самым приятным обстоятельством было расположение моего кабинета. Он находился напротив сортира. Никакого сорокоманства – я просто курил там. И все там курили, и всем приходилось бегать, а мне всех делов-то – единожды шагнуть мимо очереди якобы по важному делу, и курить.

И вот (оборот этот уже надоел, но все же), и вот я однажды вошел туда совершенно представительный, в белом халате, со строгим лицом. У подоконника содрогался человек в ушанке. На подоконнике стояла початая бутылка портвейна.

Увидев меня, человек осклабился.

– Доктор невропатолог вышел покурить, – отметил он не без надменной приветливости.

– Что это? – указал я на бутылку вместо ответа. Я был строг.

– Это? – Он посмотрел на портвейн. – Транквилизатор.

Я сдвинул брови. Он вынул из-за пазухи справку, в которой было написано, что ему недавно удалили легкое, и удалили неспроста.

Я раскрыл рот, чтобы сказать что-нибудь душеспасительное и вразумляющее, но вместо этого бросил папиросу в горшок и ушел.

Запомнилось почему-то.

Визит дамы

Удивительными делами хворают люди – иногда.

Мелкое воспоминание с потолка.

Пришла ко мне однажды на прием, в поликлинику, одна женщина лет полста. Крупная, со смиренным лицом, довольно безропотная.

Села и хрюкает.

Это у нее была такая болезнь. Она пришла, чтобы я ее спас – но это я так решил, а на самом деле я понятия не имею, зачем она пришла. У нее была карточка толщиной в роман «Идиот».

Ее спасала профессура, бывшая для меня надменным скоплением иронических звезд. И академики там тоже сияли. На эту тему в чудовищной карточке было много потертых выписок, написанных убористым почерком.

Не спасли.

Она смотрела на меня и продолжала равнодушно хрюкать с интервалом в тридцать секунд.

Я присмотрелся и решил вдруг, что это ей даже немного идет.

Я не смеюсь над этой гостьей моего беспомощного кабинета. Скорее, расписываюсь в бессилии.

Выписал ей феназепам, отпустил. Покорно взяла рецепт, пошла, хрюкнула на пороге.

Правильно я оттуда уволился – что мне там делать? Когда такие трагедии.

Под водительством Мопассана

Жила-была одна женщина, и вот она захворала. Захворала не совсем смертельно, но неприятно. Она лежала на постели, кротко улыбалась и говорила, что не может пошевелить ни руками, ни ногами. И не шевелила. Долго. Счет пошел не на месяцы, а на годы.

Наконец, пригласили серьезного специалиста по таким недугам.

Он пришел и увидел огромную кровать, посередине которой лежала больная, на спине. (Этот специалист, между прочим, рассказывал нам, что всегда, входя в незнакомый дом, смотрит, сколько места в комнате занимает кровать).

В личной беседе с больной он добился немногого. Она умиротворенно глядела в люстру с красивыми висюльками.

Тогда настал черед беседы с родственниками, и здесь дело пошло живее. Выяснилось, что в этой семье произошла страшная трагедия. Муж пациентки изменил ей. И с тех пор она такая. С тех же пор он старается заслужить прощение и снисхождение. Он военный, настоящий полковник.

– А где же, где же спит этот негодяй, это чудовище? – спросил специалист.

– Вот тут, – и ему указали на небольшой жесткий сундучок, накрытый клеенкой. Сундучок приютился в темном углу.

Специалист пошел к выходу. Откуда-то выскочил полковник.

– Ну скажите, – зашептал он, – когда она поправится? когда?

Специалист посмотрел на него и пожал плечами:

– Никогда.

На линии доктор Кулябкин

В 2001 году вместе с нашей дачей сгорела и книжка, которая хранилась там много лет. Это был толстый производственный роман из жизни врачей под названием «На линии доктор Кулябкин». Его все моя мама читала, я не сумел. При виде заглавия мне всегда вспоминался один доктор, тоже такой вот простой, с невразумительно говорящей фамилией, со своими нехитрыми радостями и горестями, о которых так приятно прочесть. Пусть эта фамилия сохранится, настоящую я забыл, да и ни к чему ее указывать. Пусть меня простят за плагиат.

Правда, быт этого доктора – я уверен в этом, даже не читавши романа – во многих мелких деталях отличался от быта героя.

Мне приходилось сталкиваться с Кулябкиным, когда я подрабатывал в некоторой поликлинике на Петроградской стороне. Это был худощавый мужчина в несвежем халате, с затравленными глазами и добрым лицом. По-моему, он был хороший человек. Наверняка его любили больные. Спокойно и уверенно вышагивать по жизни ему мешал чудовищный перегар, толчками вырывавшийся из его прыгающих губ. Казалось, он постоянно ждал опасности, заслуженного удара в спину, разбирательства, замечания, упрека.

Однажды, дожидаясь машины в регистратуре, я слышал, как регистраторше поступил приказ разыскать доктора Кулябкина и отослать его на ковер для выпуска отравленной крови. Не знаю уж, что он натворил – может быть, куда-то не сходил, а может быть, что-то не записал.

Приказ был исполнен немедленно. Кулябкина разыскали и направили по назначению.

– Из доктора Кулябкина сейчас фарш сделают, – заметила хромая регистраторша, едва к ней сунулся кто-то знакомый. Она сияла, она цвела. У нее усилилось слюноотделение, ладони сладко терлись друг о друга. Мерещилось, что от их соития у нее вот-вот родится третья.

– Сейчас из доктора Кулябкина котлету сделают, – сказала она через две минуты еще кому-то.

– Сейчас из доктора Кулябкина шашлык сделают, – сказала она мне.

– Сейчас из доктора Кулябкина форшмак делать будут, – сказала она в пространство.

Месяца через два доктор Кулябкин исчез. Никто не знал, где он, и говорили о нем с легкой тревогой и заблаговременным сочувствием. Потому что исчез он надолго. «Нигде его нет, – говорила регистраторша. – Домой к нему ходили. Нету. Вот уже месяц». И я тогда сам решил, что с Кулябкиным приключилось что-то совсем нехорошее.

Потом он тихо появился. Приступил к должностным обязанностям.

О причинах отсутствия спрашивать не хотелось. О них и не говорил никто, все понятно.

Он, конечно, не закусывал, потому что сам был закуской.

Языковой барьер

За человеческой мыслью не угонишься.

Оказывается, пациентки моей матушки, когда им прописывают свечи, делают так: бросают их в унитаз, а после садятся и справляют нужду. Они не выбрасывают свечи, нет, они пребывают в полной уверенности, что после этого поправятся.

Путь к сердцу мужчины лежит через желудок

Хочу посетовать на некоторый цинизм медицинской науки. Изучали мы, помнится, рентгенологию. И нам предложили зайти в этот проникающий аппарат и посмотреть на себя изнутри, вживую. Не снимок какой-нибудь сделать, а запустить научно-популярный кинематограф. Зашел я, значит, туда, и оказалось, что во мне сокращается нечто колоссальное. «О, какое большое сердце», – удивился рентгенолог. Я приосанился и скромно улыбнулся, поглядывая на дам. «Это очень плохо, – сказал рентгенолог, – с таким большим сердцем долго не живут».

Потом одну девушку, коротышку такую, заставили выпить сульфату бария для показательного обзора желудка.

«Редкий случай, – сказал рентгенолог. – Желудок-чулок. Посмотрите, какой он длинный – даже дна не видно, он спускается в малый таз».

Согруппница, и раньше меня не особенно привлекавшая, вообще перестала существовать для моего умозрения.

Сейчас-то я, конечно, наплевал бы на кишечнорастворимые чулки, но тогда было другое дело, всего лишь четвертый курс. Или третий? Не помню уже. Еще сохранялось подобие романтизма, не признававшее желудков.

Маврикиевна

У нас в институте был преподаватель физиотерапии. Вот интересно – вспомнил бы о нем кто-нибудь так, как я вспоминаю, прилюдно? Да ни за что, я уверен. А ведь всякий человек заслуживает памяти, разница только в ее масштабах.

Это был старец, видом своим и голосом наводивший на легкие подозрения в скопчестве. Хотелось направить его куда-нибудь на обследование, проверить на этот предмет. Тогда медицина была уже достаточно развитая, чтобы это определить.

Сидеть на его уроках было невыносимо. Мало того, что он долго и нудно рассказывал о вещах, нас абсолютно не интересовавших, так у него еще и было выражение из числа паразитов: «Ясно или нет?» Без всякого выражения, монотонно, не меняясь в лице, он ставил этот вопрос в конец каждой фразы. Кстати говоря, интересно: чем питаются слова-паразиты? С глистами, например, вполне понятно, их корысть очевидна. А вот чего искать слову в престарелом мозгу, пораженном склерозом?

Короче говоря, это самое «ясно или нет» было его визитной карточкой. Сослуживцы глумились над старцем. Бывало, придешь к нему за зачетом или еще за чем, по крайней необходимости, и просишь первого встречного его позвать. Встречный радостно голосит:

– Маврикиевна, на выход!

И он выбегал:

– Ясно или нет?

В общем, слушали его, слушали, пока не лопнуло терпение. Украл прибор: Электросон. Я в краже не участвовал, но был посвящен во все детали. Это было в крови у моих товарищей – спереть. Изуродовали, помню, дореволюционный фармакологический фолиант, выкусили из него главу «Героин» для домашних опытов.

Началось следствие. Явился декан, заклинал вернуть, угрожал, обещал помиловать за чистосердечное признание. Злодеи тупо молчали. Декан ушел, он знал, с кем имеет дело и какая публика собрались в этой группе.

Друзьям моим Электросон не пошел на пользу. Шли годы, а их здоровье продолжало неуклонно ухудшаться.

Пирация

В школьном вестибюле, на лавочке, широко раскинулась квашеная бабуля с первично добрым, но временно возмущенным, лицом. Она громко говорила. Привожу ее рассказ по возможности дословно.

«...кишки мне чистили, из кишок у меня полведра гноя выпустили (с этого момента я и стал прислушиваться к рассказу). Я все ходила к нему, ходила, а он мне написал направление пирироваться. Я своим ходом взяла такси, приехала, а он мне там говорит: я вас не возьму, у меня чистое, а вы гнойная. Я ему говорю: как же так? вы же сами мне дали направление. А передо мной были мужчина и женщина, с сумками. Женщина осталась, а мужчина с сумками пошел. А он взял мое направление и порвал, вызвал скорую и говорит: только никому не говорите, что это я вас отправил. И вот мы едем, я все смотрю: куда же это меня везут? И привозят на Богатырский, ну да! в эту мерзость! в этот свинюшник! Наорали на меня, я говорю: чего вы орете? Сунули в палату, в морозильник, там бабулька лежала с этим, с рожистым воспалением, и нарыв у нее на ягодице. Селедка на окне замерзает, селедка! Булку ели. Обед холодный! Второго – никакого второго! За весь день никто не подошел, а на другой день только вечером, у них оказывается пирации с семи часов, во как. В кресло затолкнули, на стол. Там подошел, спросил только, чем болела; я сказала: воспалением легких, и все, дали наркоз, я час ничего не слышала. А вот на Березовой, когда вторую пирацию делали, я все слышала!»

Почему-то она особенно негодовала на то, что не слышала.

Между прочим: ведь пирацию все же сделали! Поправилась! Выписалась! Вот так.

Шубы

Мне припомнилась история, которой хвасталась наша преподавательница инфекционных болезней, на пятом курсе.

Это была странная женщина. Я никак не мог ее определить. Светлая кубышка без особого возраста; сказать, что дура – нет, не могу, но контакт не ощущался. Что-то далекое. Потом я понял, что за выпученными базедовыми глазами скрывается безумие.

Она рассказала нам именно о прожарке и сожжении. К ней поступили какие-то женщины, приехавшие с неизвестной хворью из Индии, где они прикупили очень дорогие шубы. Масло масленое – меховые, конечно. Что-то очень редкое и роскошное.

Узнав, что шубы отправятся в печь на дезинфекцию, дамы закатили истерику. Но слушать их никто не собирался.

В этом месте рассказа преподавательница оживилась. Глаза ее засверкали пуще прежнего, и я понял, какого рода вещи доставляют ей удовольствие. Дальше дословно:

«Мы отняли у них шубы и положили в специальную камеру. Вы представляете, какая там температура? Через какое-то время мы вынули оттуда огромный сплюснутый ком. И мы стали прыгать, плясать вокруг него и петь разные песни».

Диссиденты

Году, наверное, в 89-м, когда всякие разоблачения были очень и очень в цене, ко мне на прием явилась бабушка. Свои жалобы она начала с того, что назвалась жертвой сталинских репрессий. А я как раз закончил знакомство с «Архипелагом ГУЛАГ» и был настроен соответственно. Конечно, я сразу проникся к бабушке расположением. Я был готов сделать для нее все, что угодно.

– А старик-то мой, старик! – пожаловалась она. – Молодую себе завел!

Речь шла о человеке 70-летнего возраста. Как назвать то, что произошло дальше? Озарением? Клиническим мышлением? Не знаю. Я произнес очень правильную фразу, после которой стало ясно все.

– Вот вам таблетки, – сказал я. – Но только вы их ему не показываете.

– Думаете, может подсыпать что-нибудь? – охотно встрепенулась бабушка.

Я расслабился.

– Ну да, – я не стал ей возражать. – А перед этим загляните в желтое двухэтажное здание, которое во дворе.

Из двухэтажного желтого здания бабушка вернулась в сильнейшем раздражении. Мне пришлось перенаправить ее туда, но уже принудительно.

В общем, к иным мученикам совести надо присматриваться. Их, разумеется, много.

Но человек, который некогда явился ночью на еврейское кладбище, сделал себе обрезание и отправил обрезки в посылке Брежневу с припиской о том, что только что совершил политическую акцию – тот человек тоже мучился совестью.

Гангстер

Гангстер был моим пациентом.

Удовольствие от этого общения я получал осенью 93-го года, когда заправлял хозрасчетным курортным отделением.

Гангстера положили ради денег, потому что к тому времени отделение уже дышало на ладан и катилось к неминуемой гибели. Никакого нервного заболевания, кроме махрового алкоголизма, у него не было. Моя начальница подружилась с ним, раскаталась перед ним в блин, легла под него (мои домыслы), возила его всюду с собой. В великодушии, причиненном белой горячкой, он пообещал вообще купить все здание с отделением вместе и сделать публичный дом со мной в качестве заведующего.

Как ни странно, он и вправду ворочал какими-то деньгами, что-то химичил.

Ходил в тройных носках трехмесячной выдержки, носил грязный свитер, выпячивал пузо, ел бутерброды с колбасой, небрежно относился к лечению. Развлекался в меру сил: воровал медицинские бланки и заполнял их на имя соседа по палате. «Общее состояние: желает лучшего. Кардиограмма: хреновая».

Часами просиживал в моем кабинете, глядел на меня рачьими глазами, чего-то ждал.

– А я сегодня убил человека, – вздохнул он однажды с порога. – А что было делать? Иначе бы он убил меня.

Было дело, мне понадобилось купить сотню долларов. Он торжественно выдал их мне и рассказал, что банк, которым он закулисно владеет, самый надежный из банков. Это был очень известный банк, но я не буду его называть. Его уже нет, по-моему.

В другой раз он, смеясь, посетовал на неприятности, доставленные ему милицией и госбезопасностью. Он допустил промах и взломал их базы данных – я не очень представляю, как он ухитрился это сделать, потому что в те годы даже не слыхивал про Интернет. Впрочем, люди его уровня уже, вероятно, имели в него свободный доступ.

– Приехали, – хохотал он. – Пушки вынули: «Ты что делаешь?!»

Наконец, гангстер открылся мне до конца. Оказалось, что он является членом тайной, глубоко законспирированной организации диверсантов, которых всего человек тридцать по стране. Еще в 70-е годы их специально готовили для совершения глобальных экономических преступлений. Об этом не знает ни одна живая душа, кроме меня. И мне теперь придется держать рот на замке.

А я-то его лечил.

В каждом рисунке – солнце

Зашел в поликлинику, побродил. Нигде нет утешения, нигде. Вспоминал бомжа, которому в больнице делали пункцию, а он кричал: «В милиции бьют, и в больнице бьют!» Сушая правда.

Я не про докторов и всякое там чувствительное отношение, это ладно, с этим понятно. И не про клятву мыслителя, чья некрещеная душа по сей день в недоумении топчется у небесных врат, не разбирая входа, и расходует драгоценную Вечность на пустопорожние беседы с такими же античными умниками.

Я про настенные тексты и живопись. Уж здесь-то хоть можно подпустить оптимизма. Написать, например: «Будьте здоровы!», «Вы все когда-нибудь поправитесь!», «Ура!». Но ничего такого нет. Вместо этого пугают, например, по укоренившейся привычке, половой жизнью. На самое светлое, самое радостное заставляют взирать как на дизентерию, о которой речь рядом же. Нарисованы два силуэта, Он и Она – что может быть проще и чище? ан нет, силуэты наполняются зловещим значением. Больше не постреляешь глазами по прохожим женщинам, теперь пойдешь себе, глядя под ноги на туберкулезные плевки и раковые окурки.

Впрочем, иначе и нельзя. Надо напугать. То, что из меня в поликлинике сделали женщину, добавив к фамилии букву «а», уже лишнее, а так все правильно.

Помню, однажды, когда я еще учился в школе, мой отчим – пригородный доктор – поручил мне нарисовать плакаты о вреде пьянства, для больницы. В коридоре повесить.

Я нарисовал, запомнились два. На первом Три Богатыря сражались с зеленым Змием Горынычем. И в этом бою терпели полное поражение: лежали вповалку, и скифские вороны кружили над их бездыханными телами, и за лесами угадывалась безутешная Василиса-Ярославна. По моему замыслу, богатыри сами нажрались, вот и пали героической смертью.

На втором плакате огромная улыбающаяся змея заглатывала печень ошеломленного обывателя.

Получилось очень красиво, с изобилием мелких деталей.

Тут пришел знакомый нашей семьи, мельком взглянул на мое художество. Разочарованно сказал, имея в виду собирательного алкоголика:

– Ему это что! И непонятно, и неинтересно. Ему милиционера нужно показать...

Нос

Поведение финнов, посещавших нашу культурную столицу в былые времена, хрестоматийно и общеизвестно.

За экстрим нужно платить.

Один такой финн приехал и не придумал лучше, чем дразнить собаку окурком. А может быть, он учинил над ней еще что-то, не помню. Отечественная собака возмутилась и откусила ему нос в аккурат по линии Маннергейма.

Финна поволокли в районную больницу города Всеволожска, что в тридцати километрах от Питера. Там на него посмотрели косо: лоров отродясь не держали, а потому не были уполномочены прилаживать обратно заслуженно отчекрыженные носы.

Начали выяснять, какое лор-отделение дежурит по городу. Выяснилось, что в 26-й больнице такое отделение не смыкает глаз. Нос бросили в целлофановый пакетик и вместе с финном в качестве приложения повезли через весь Питер в эту самую больницу.

Там, понятно, было невпроворот своих дел. Суетились да прилаживались часа три. Потом потеряли нос.

Холодный душ Шарко

Я не переношу литературную критику. На мой взгляд, это совершенный паразитизм. Имеешь мнение – ну и имей, ты такой же читатель, как все, но ты предпочитаешь навязать его миру, да еще денег за это срубить. Волею обстоятельств, вознесших тебя и давших тебе рупор. У других-то рупора нет, а у тебя есть.

Меня дважды в жизни подвергали уничтожающей литературной критике.

Она пролилась холодным душем.

Первый случай был на третьем курсе, когда я начал изучать терапию. Нам приказали написать первую в жизни историю болезни, от и до. Ну, я и написал, странички две. Объем, между прочим, вообще не оговаривался. Так после этого наш педагог взял мою тетрадку двумя пальцами и воскликнул, потрясая ею не без брезгливости:

– Вопиющее убожество мысли!

Второй эпизод произошел в больнице, о которой я часто пишу. Историю болезни, уже настоящую, приволок начмед, весь красный от негодования:

– Вопиющее убожество стиля! – захрипел он.

Я оправдывался, говоря, что писал под диктовку заведующей, но он не слушал, и был прав. Копирайт оставался за мной.

Таких вещей я не прощаю.

Отомстил. Сделал своим документальным героем. А моим героям приходится несладко.

Малый Апокалипсис

Я уже как-то писал, что при советской власти о людях, как ни странно, заботились больше.

Все и всех волновало. Как он там? Что делает? Чем дышит? Не разложился ли?

Помню случай, совершенно немыслимый в наше время.

Я работал в поликлинике; год, если не путаю, был не то 88-й, не то 89-й. Поводился ко мне на прием один тип черт-те с чем. Не то он ударился головой, не то простудил себе шею – неважно. Главное, что он ходил и ходил. И весь был какой-то смурной, но прицепиться не удавалось. Болезнь его казалась неизлечимой, но я не расстраивался: гнал, да гнал ему больничный.

На четвертой неделе моя начальница, которая эти больничные продлевала, не вытерпела. А он как раз не явился почему-то. Призвала она меня к себе и строго приказывает: едем.

Так, прямо с приема – она со своего, я со своего – мы и поехали, к великому унынию очередей. Это было названо активным посещением на дому.

Вышли, как сейчас помню, из машины во двор. На улице я всегда себя чувствовал неуютно в халате, зато начальнице – хоть бы хны. Не только в халате, но и в чепчике, с мерой в руке, очень суровая. Поднялись к больному, дверь не заперта, он лежит на диване. Мы показались ему белыми ангелами смерти, что, в общем, соответствовало действительности.

У стены в его комнате стоял невиданный агрегат. Мне никогда не встречалась емкость для браги под потолок ростом. С краном. На треть опустошенная.

– Пойдите, пойдите, – захрипел он.

Мы вышли.

Возможно ли нынче такое участие? Не верится. Никто не посетит, не отругает, не выпишет на работу.

Ностальгия

Я вспоминаю (что за напыщенность, черт побери: Я! Вспоминаю! Кто я такой? Не читайте) поликлинику в городе Петергофе, где я работал лет двенадцать тому назад.

Сначала я вспомнил про инвалида гражданской войны, который пришел ко мне выписать одеколон. Потом я вспомнил про беременную женщину, которая явилась ко мне, будучи на седьмом месяце, и призналась в неумном сексуальном желании.

Наконец, я припомнил глухонемую швею, которой я дал бумажку для изложения жалоб, и она написала: «Очень болит спинка и все обижают».

После этого я почувствовал себя примерно так, как чувствовали себя все эти трое, вместе взятые.

Варангер-фьорд

Военного доктора из меня так и не вышло, хотя государство очень старалось и даже оплатило мне билет в Североморск, чтобы я развивался. Туда даже пригнали радиоактивную лодку «Комсомолец», но припозднились, и я уже успел свалить. Целый месяц нам читали разные лекции, которые на деле мне нисколько негодились. Мне совершенно напрасно рассказывали про отравление компонентами ракетных топлив и декомпрессионную болезнь, не говоря уже о сортировке санитарных потерь. Оказалось, что вынужденное бездействие бывает куда полезнее. Месяц прошел, и меня отправили на практику. Кто-то решил, что наилучшего опыта я наберусь у норвежской границы, в микроскопическом местечке под названием Лиинахамари, где Варангер-фьорд.

Явившись, я увидел в заливчике тройку доисторических подлодок. Улыбаясь, я отпартовал майору медицинской службы, что являюсь начальником медицинской службы надводного корабля. «А у нас таких нет», – майор улыбнулся в ответ и развел руками. После чего списал меня в гарнизонную поликлинику, на амбулаторный прием. Желающих показаться мне не было, хотя слух о серьезном докторе из самого Питера разлетелся быстро: спешите! всего несколько представлений! всю смену на арене. Мне удалось сделать одно доброе дело и уложить в больницу города Никель одного бедолагу с радикулитом, которого третий месяц гребли анальгином. Сегодня, правда, оглядываясь на свой больничный опыт, я начинаю сомневаться, что поступил правильно. Больница Никеля почему-то не внушает мне особого доверия.

Все остальное время я валял дурака.

Проглатывал три или четыре колеса седуксена и ложился в семь часов вечера. Седуксен я пил потому, что меня, за неимением лучшего, поселили в зубо врачебном кабинете, и я спал полулежа, в зубном кресле. Моя нелюдимость и склонность проваливаться в небытие сильно удивляли моего денщика – да, ко мне приставили матросика и велели ему за мной присматривать, носить мне чай, будить меня, и так далее. Хороший был паренек, простой. Он искренне хохотал, глядя в телевизор, где под Ласковый Май танцевал дрессированный медведь. «Пусть в твои окна светит беспечно розовый вечер», – пел телевизор. «Жопой-то, жопой крутит,» – смеялся денщик. Я мрачно следил за обоими из-под полуприкрытых век. Пока однажды, в воскресный день, он не ворвался ко мне с диким криком, зовя на причал.

Я, холодея, бросился к морю. Я отлично понимал, что если что, мне придется принимать самостоятельное решение. И мои худшие опасения подтвердились. При погрузке подводной лодки сломался какой-то кронштейн, и груз весом в семь центнеров рухнул в люк, прямо на мичмана.

Мичмана извлекли. Глаза его плавали в разные стороны, и он уже почти не дышал. Мне повезло, что я не принял никаких мер и не оставил никаких записей. Меры и записи уже не требовались. Я тупо стоял над мичманом, попеременно глядя то на него, то на аптечную сумку, приволоченную денщиком. Если бы я сделал нечто заплывшее и бессмысленное – вколол бы ему, скажем, что-нибудь – то после не отмылся бы вовек. Но травма была несовместима с жизнью, и я стоял.

Тем временем кто-то позвонил в деревянный госпиталь, находившийся в километре от базы. Примчалась машина, мичмана увезли. В госпитале дремали без дела такие же подневольные, как и я, питерские реаниматологи, мои товарищи по беде. От нечего делать, когда мозг несчастного мичмана уже давно перестал работать, они запустили ему сердце. И Северный Флот встал на уши, разыскивая смельчака, который взял бы на себя ответственность и написал: отключить аппарат.

Масоны

Много лет мне не давали покоя любители уринотерапии. Я лично знал некоторых, употреблявших чудесную влагу наружно и внутрь.

Мне всегда казалось, что за этой склонностью кроется нечто большее. И только недавно я ни с того, ни с сего догадался: эти люди обретают свою, как выражаются психологи, идентичность.

К закату моей медицинской карьеры я уже набрался достаточного опыта, чтобы сразу определить, кто в принципе согласится на уринотерапию, а кто – нет. Ну, и тех, конечно, кто уже согласился. По особому блеску в глазах и томику Малахова на прикроватной тумбочке. Блеск всегда бывал с оттенком вызова. Казалось, что эти люди мысленно зачисляют себя в тайную мочевую ложу. Общедоступный и недорогой способ снискать особость, раз уж другие пути заказаны. Ощутить себя неким единомышленником, хотя вопрос о мышлении остается открытым.

Тем более, что обычный социум не принимает этих людей. Получается настоящая дискриминация, так что отверженные давно заслуживают отдельной агрессивной партии. Ну, если не партии, так хоть парады могли бы себе выторговать. Ходили бы, да утверждались, вместе с босыми последователями Порфирия Иванова.

У матушки на работе была одна такая сотрудница. Садятся доктора с утра попить чаю, печенье достают всякое, котлетки на хлебушке. И эта подсаживается с краю, ставит стакан, наполненный до краев. Понятное дело, ее не приветствовали. Матушка моя – она так прямо и посоветовала ей соответственно закусить.

Одна снежинка – еще не снег

К одному известному сексопатологу пришел на прием один же майор. Майора трясло, он был бледен и чуть не плакал.

Будучи в командировке, майор познакомился в поезде с доступной и симпатичной барышней. Быстро созрел маленький железнодорожный банкет. За банкетом последовала камасутра дальнего следования.

Утром майор продрал глаза и увидел при барышне вопиющие первичные половые признаки. Барышня, если уместно так выразиться, была барином. С нею вышла незадача, как пелось в песне.

И вот поэтому майор, на части разваливаясь, примчался к сексопатологу. Его мучил вопрос: гомосексуалист ли он уже или еще нет?

Был вкрадчиво обласкан и успокоен: если один раз – это ладно.

Готовь сани летом

В гинекологическое отделение явилась древняя бабушка. Она попросила справку, в которой нужно было написать, что у нее богатырское гинекологическое здоровье, а скверных болезней нет совсем.

В справке ей, конечно, отказывать не стали, но осторожно осведомились, зачем такая бумага нужна.

Бабушка объяснила.

Оказалось, что она пустила к себе студента, сдала ему комнату.

Готовь сани летом.

«Вдруг ему захочется, да он побоится? А я ему справочку на видное место и подложу».

Падения и выпадения

Знакомый гинеколог негодовал. Ему пришлось дежурить в корпусе, который он сильно не любит. Мало того: ему не дали выспаться – в три часа ночи доставили юную особу с предварительным диагнозом «выпадение стенок влагалища».

Какая, позвольте, надобность приезжать с этим в три часа ночи? И что такого может выпасть на заре туманной юности? Я понимаю, в почтенном возрасте, в преклонных годах – это да, это заслуженное заболевание. А тут?

Ничего у нее, разумеется, не выпадало, просто трахаться надо меньше, а то все распухло.

На моем дежурстве тоже был похожий случай. Дежурил я в новогоднюю ночь с 1997 на 1998 год. Изумительное выдалось дежурство! Никого! Тихо! Радостно!

Опасаясь неожиданных пакостей, мы с другом-урологом не особенно напились. Но к пяти утра уже покачивались. И тут, в эти самые пять утра, заявляется хрупкая барышня и жалуется на то самое, что так и не выпало у первой больной. Дескать, болит. Спрашиваем: давно ли болит? Уже неделю. Самое время показаться.

Новый год, раннее утро. С наступившим!

Матка-яйки

Владимир Ильич был прав, конечно, когда распространялся о чистоте русского языка и возмущался словом «будировать». Однако лингвистическая самобытность в последнее время меня достала. Сию вот минуту натолкнулся на разъяснение переводчиком умного слова «галакторея». В скобках, хотя его никто не просил объяснять, потому что текст специальный, он написал: «избыточное молокоотделение». Уж и не разберу, какие мысли приходят в голову – не то об отделении милиции, не то о больничном. Наверное, я придираюсь, глаз замылился. Наверное, написано правильно.

Правда, заимствование обыденных образов для описания вполне научных вещей раздражает многих, хотя считается признаком умудренности, принадлежности к старой школе, намекает на опыт и благоухание седины. Это славянофильство, конечно, бесит западников, которые не помнят родства. А то и похуже кого распаляет.

Матушка моя, помню, рассказывала о старушке-доцентихе, под чьим началом она начинала работать в родильном доме. Эта старушка не признавала современную систему мер, сантиметры и миллиметры ее не устраивали. Она требовала, чтобы молодые доктора писали в истории болезни: «матка величиной с куриное яйцо». Далее, по мере созревания плода: «матка величиной с утиное яйцо», «матка величиной с гусиное яйцо».

Маменька моя не сдержалась, написала в итоге: «матка величиной с яйцо крокодила».

Хлопци-кони

Врачебные ошибки не всегда обходятся дорого. Бывает, что получается сплошное добро и даже благо.

Однажды областная карета скорой помощи с гиканьем и свистом выехала на острую задержку мочи.

Время суток было темное, деревянные домики казались одинаковыми. Поэтому наездникам было простительно эти домики перепутать.

Ворвались в одну избу, очень строгие. Без слов. Возле печки лежала древняя бабушка. Мгновенно выпустили ей мочу и растворились в ночи.

Притихшая, опытная бабушка, так и не раскрывшая рта, была потрясена таким вниманием.

Про молодость, которая не знала, и про старость, которая не могла

В дохтурском деле часто ощущаешь себя силой, что вечно хочет блага, но вечно совершает – ну, не то чтобы зло, но и не совсем добро. Дело не в том, что пропишешь какую-то неправильную гадость или зевнешь что-нибудь смертоносное: оно, быть может, было бы и к лучшему. Бывает, что сделаешь все замечательно, а получается вред.

Когда я студентом проходил хирургическую практику в городе-Калининграде, у меня в палате лежала одна бабуля. До неприличия грузная, и дело ее было плохо. У нее развилась гангрена левой стопы, потому что сосуды уже не годились ни к черту, особенно на ногах: забились наглухо.

Так что на ученом совете дружно придумали эту ногу отрезать всю, целиком.

Заплаканные родственники бабули бродили по коридору и мысленно – а может, и на словах – с ней прощались.

Мне даже довелось поассистировать на операции. Сейчас не вспомню, что я делал; наверное, держал крючки, как это принято, да еще шил, а ногу пилил настоящий опытный доктор, специальной пилой.

Короче говоря, все мы думали, что бабуле конец. Не в тех она находилась годах, чтобы ноги резать, да еще наркоз, штука нешуточная. И что же вышло? Бабуля резко пошла на поправку. Оно и понятно: во-первых, не стало гангрены; во-вторых, она лишилась значительной своей части, в которую какие-никакие сосуды, а все-таки гнали кровь. Теперь эта кровь бодренько поступала к жизненно важным органам, и сердце у бабули заработало очень неплохо, и голова прояснилась.

Загрустившие было родственники мигом насторожились. Вместо положенной по замыслу благообразной покойницы они приобрели одноногое внутрисемейное приложение. А наследство уже поделили, прямо в коридоре. Вот так. Смотрели волками.

«Прошу пана»

Однажды моя специальность превратила меня в международного преступника. Да и Варшавский Договор тогда уже был при последнем издыхании – может статься, я нанес ему последний удар тупой лопатой.

В 1990 году, во Франции-Бургундии, мы познакомились с одной блистательной полькой. Нас пригласила и приютила община экуменистов, и польку эту тоже позвали. Экуменисты вели себя очень демократично, но даже они делали ей замечание: прикройте шейку, прикройте спинку, а лучше – грудку. Больно яркие были формы, сплошной эффектный рельеф.

Бургундии ей было мало, и она прикатила в Питер. В Питере у нее то ли уже был, то ли образовался настоящий Андрейка, подозрительный молодой человек с усиками. Они думали пожениться по глубокой любви, хотя меня не покидала мысль, что Андрейка просто хочет удрать куда-нибудь от греха подальше. Или ко греху поближе.

В общем, они захотели нас в гости, мы пришли.

И жаркая пани обратилась ко мне с просьбой. У нее был не в порядке паспорт. По моему, она опоздала с выездом и просрочила визу или еще что, хотя я не помню, чтобы в 90-м году кто-то требовал польскую визу. Или в Польше – нашу. Ну, наплевать, не в этом суть. Суть в том, что она просила у меня печать себе в документ. Пускай, дескать, пограничники знают, что опоздала она не просто так, а потому, что была у врача. «Поставь», – соблазнительно мычала она.

Я никак не мог взять в толк, при чем тут я. Что тебе поставить? Мой фиолетовый анонимный штамп?

«Да.»

«Но зачем?»

«Неважно. Поставь. Прошу тебя.»

«Писать ничего не буду», – предупредил я.

«Не надо».

Я раскрыл ее паспорт и впечатал в него: «Невропатолог».

Она была совершенно счастлива, и даже Андрейка сурово улыбался: одобрял.

Больше я о них ничего не слышал.

Мне до сих пор чудится жаркое собачье дыхание. Много лет прошло, но Джульбарс уже взял мой след. Он сильно одряхлел, и потому расплата затягивается.

Functio laesa

В том, что Россия – родина слонов, я никогда не сомневался, потому что против мороженных мамонтов не попрешь. Но Россия, конечно, родина не только слонов.

В западных врачебных справочниках я с трудом узнаю многие известные симптомы, потому что из их именных названий куда-то исчезают отечественные фамилии, которые после черточки. Сдается мне, что прибавлялись эти фамилии легко: чуть изменил угол щелчка по пальцам или угол поворота больного бедра – и вот уже был симптом Боннэ, а стал симптом Боннэ-Бобровниковой. Может быть, я чересчур пристрастен; может быть, Боннэ был наш человек, сугубо русский, как профессор Россолимо; не исключено, что дьявольский запад из вредности не признает за нашей научной мыслью права даже не первой, а второй ночи. Но сомнения меня не покидают.

Со студенческой скамьи в моей башке засела знаменитая четверка латинских слов: rubor, tumor, calor и dolor (не dollar). Это признаки воспаления: краснота, припухлость, жар и боль. Тетраду эту придумал не помню уж, кто, кто-то из очень древних – может, Гален, а может, Цельс, а то и совсем Гиппократ, хотя с чего бы ему по-латыни изъясняться. До советской власти тетрада влачила неполноценное существование, смущая умы. Но при советской власти она приросла пятым элементом, по числу отростков у красной звезды. Отечественная наука открыла пятый признак воспаления: functio laesa, что означает «нарушенная функция».

Функция – самое важное свойство всего и вся, будучи средством построения светлого будущего. Зарубежным метафизикам не приходило в голову, что при наличии калора, рубора, тумора и долора функция может нарушиться. В их красном, опухшем, жарком и ноющем пальце не было никакой диалектики, сплошная статика.

Но палец без функции, как и всякий другой орган, бесполезен и вреден, так как нечем даже указать в направлении светлого будущего, а если вдруг и найдется чем, то это будет реакционное учение «фрейдизм».

А если есть и долор, и все остальное, но функция не пропала, то палец здоров и никакого воспаления нет, а потому больничный за такой палец не полагается, и, будучи выписан, повлечет за собой уголовное наказание согласно постановлению Совнаркома от 1937 года о порядке выдачи больничных листов.

Скажу еще, что даже в нашем неврологическом отделении было сделано некое открытие по привычной схеме: дописали неизвестный признак к пятерке или семерке других, давно известных. Я только забыл, к сожалению, о чем шла речь.

Все потому, что в нашем отделении был Ленин. Нигде в больнице, где одних нервных отделений набралось шесть штук, не было Ленина. А у нас был. Он стоял в холле бюстом, на подставке, под сенью кадочных пальм.

У Ленина в отделении не было никакой функции, но не было и рубора-колора, потому что Ленин никогда не краснеет. Напротив, он бледен и хладен, как хладен его замаринованный прототип, в чем есть высокая художественная правда.

Однажды процедурная сестра из самых дружеских побуждений стала мыть его тряпкой. Заведующая увидела и чуть ей голову не отъела за непочтение.

Мобилизация

Больной должен знать, что с ним происходит. Знание лечит и мобилизует.

Я этого раньше не понимал и даже, было дело, едва не свалился в обморок. Это было на пятом курсе, когда меня прихватила такая межреберная невралгия, что я шагу ступить не мог. Мы тогда как раз изучали травматологию, и я, будучи студентом прилежным, явился на урок. Тем более, что шагов требовалось немного, я приехал на троллейбусе. И в перерыве, не сдержавшись, пожаловался ведущему. Ведущий ожил и сказал, что устроит демонстрацию. Привел меня в процедурный кабинет, оголил, усадил на операционный стол. Набрал огромный шприц жидкости и стал объяснять моим товарищам:

– Вот я беру йод. Вот я смазываю участок. Вот протираю спиртом. Теперь я прокалываю кожу. Осторожно подвожу иглу к ребру – видите? я дошел до него. Вот я на нем оставил иголкой и покачался. Теперь берем косо...

На этом этапе добрые групповые подруги взяли меня за руки, потому что я вдруг смертельно побледнел. Но я напрасно бледнел, потому что добрый доктор ввел мне не только новокаин, но и спирт, и все прошло, и я немного развеселился.

Потом-то я понял, как важно информировать пациента о всех своих действиях. В нашей больнице работал один ловкий умелец, до которого мне было далеко – разве что фамилии у нас были одинаковые. Положил он большую, упитанную больную на живот и рассказывает:

– Вот я беру йод. Вот я смазываю кожу. Вот протираю спиртом. Теперь я прокалываю кожу. Завожу иглку... Чувствуете приятное распирание, приятное тепло? По ноге растекается тяжесть, болит уже не так сильно...

И верно – болело уже не так сильно.

Правда, доктор Смирнов ничего ей не ввел, а просто приставил к пояснице иглку и рассуждал.

Мы потом сообща решили, что нужно создать платную кабинку вроде тех, что устроены для моментальных фотографий. Кидаешь рубль,ходишь,садишься. Шторки на миг раздвигаются, являя целебный портрет доктора Смирнова. Сдвигаются обратно. Следующий!

Три гипотезы

Медицина – родоначальница многих метких афоризмов. Вот одно емкое и крылатое наблюдение: «Только покойник не ссыт в рукомойник».

Почему это верно? Я думаю, причины две.

Во-первых, дело в живучем подсознательном протесте, направленном против асептики и антисептики. Стерильность гнетет и обременяет. Хочется поднагадить. И никакого Герострата, сугубая анонимность.

Во-вторых, доктора мужского пола редко владеют ключами от корпоративного сортира. Ими либо владеет специальная ключница, либо они висят на гвоздике в сестринской. И если мужской разновидности доктор возьмет или, не дай Бог, попросит этот ключ, то вся больница сразу узнает, куда и зачем он пошел. И следом за ним пойдет посмотреть, как там.

Поэтому один мой знакомый доктор рассказывал:

– Стою я и в раковину: жу-жу-жу, жу-жу-жу. Тут меня из коридора зовут (типа: Акакий Акакиевич!). А я дверку ногой прижал и жу-жу-жу, жу-жу-жу.

Может быть, есть и третья причина. Доктора вообще близки к природе и выбирают себе функционирование попроще. Помню, устроили мы с урологом К. себе отдельный кабинет, чтобы глупости не слушать от местных женщин. Холодный, зато с телевизором. Начмед стоял насмерть: нельзя! Он-то думал соорудить там еще одну платную палату и грести денежки. На это уролог сказал, что нуждается в специальном помещении, и даже выторговал себе гинекологическое кресло; это кресло принесли в разобранном виде, и в этом-то виде мы его и свалили в угол.

Накрыли стол клеенкой, раскрашенной яблоками и тупыми грибами, и стали жить.

Однажды я не выдержал. Сажу, попиваю чай и спрашиваю:

– Чем это, черт побери, так несет?

Уролог принялся. Затем радостно ударил в ладоши, полез под стол и выволок оттуда мусорную корзину, доверху, с горкой, набитую использованными перчатками. Он их туда сбрасывал, как увядшую кожу, ознакомившись с очередной предстательной железой. Или как носки, та же кожа.

Живые и мертвые

Латынь в медицине давно себя изжила. Знаете, как нас учили латинскому языку? Во-первых, решили ограничиться четырьмя падежами, да и те не понадобились.

Во-вторых, на каком-то этапе наплевали и на эти падежи, велели просто заучивать корни. Но не бездумно, конечно, с переводом. И, не заботясь об античных тонкостях, смело мешали их с греческими.

Сам я глубоко убежден, что международным медицинским языком должен быть русский. Мертвые наречия должны быть sprysnuty живой водой.

Уже spryskivayutsya.

У нас одного спросили, на гинекологии:

– Чем, по вашему мнению, можно осмотреть полость матки?

Тот важно поправил очки:

– Ну, есть такой прибор: маткоскоп.

– Тогда уж давайте совсем по-русски, – уважительно подхватил гинеколог. – Маткогляд.

«Курение вредит вашему здоровью»

К сожалению, у меня нет коммерческой жилки, а то я мог бы сколотить состояние.

Например, в борьбе с табакокурением, никотинизмом и табакизмом (как правильно? я и то, и другое, и третье видел).

Потому что все эти пластыри, жвачки – ерунда. Иголки тоже не помогают. Однажды мне поставили очень хитрые иголки, в ухо, серебряные и золотые; сенсей по этим иголкам пощелкивал, шептал над ними, подкручивал, окуривал их полынью. Активизировал мне чакры, продул каналы, пережил Ини с Янами. А я взял и закурил! Нарочно. Дай, думаю, закурю.

И кодирование тоже не помогает. Если в тебя вселился со стороны оздоровительный бес, нужно его выкурить. И он без труда изгоняется.

Но мне случилось попробовать еще один, очень действенный способ. Не рассказывал? Ну, повторить не вредно. Минздрав постоянно предупреждает, а я не хуже минздрава.

Я учился на первом курсе. Заканчивал его через пень-колоду. Солнышко, апрель, все греются; я тоже пошел погреться на скамеечку. Прогулять что-нибудь. А на скамеечке уже сидел мой знакомый с четвертого курса; человек опытный и, конечно, казавшийся мне недосягаемым авторитетом. Уже доктор, считай – куда мне до него. Мы с ним познакомились, когда в порядке трудовой повинности строили почечный центр. Корчевали там один пень три недели.

Закуриваем.

У меня были сигареты-мальбро, они тогда после Олимпиады еще остались. Наши власти не рассчитали, погорячились и запаслись слишком основательно, так что хватило собственному населению.

Сидим, курим. И вдруг приближается к нам некий больной в мышинном халате и неприглядной пижаме.

– Можно, – спрашивает, – сигаретку?

Я протягиваю пачку. – Можно две?

Ну, я веду себя, как кондитер из фильма «Высокое звание». «Бери, мальчик, петушков, сколько душа просит. Хоть три!»

Смотрю, как больной лезет поганой лапой в пачку, ворочается там, шшупает себе чего понаваристее.

А после мой приятель равнодушным голосом замечает:

– Зря ты ему дал в пачку лезть рукой. Это больной с кожной кафедры. Я его курировал.

– Ясенько, – говорю.

Снялся с места и пошел в химический корпус, где наши курили под лестницей, осторожно сверкали оттуда не то сигаретами, не то глазами. Там я держал такую речь:

– Мужики, я курить бросил. Баста. Налетайте, разбирайте.

Как они кинулись! Пачку разодрали единым ударом прокуренного когтя. Хватали кто по две, кто по четыре штуки. Не друзья, а прямо апокалиптическая саранча.

Когда они сыто задымили, я продолжил выступление. Объяснил им, в чем штука.

Никакой театральной мелодрамы с эффектным концом не получилось, потому что не стал же я стоять-дожидаться, побежал.

Седые рецепты

Мне зачитывали выдержки из 30-томной медицинской энциклопедии под редакцией Семашко, выпуска 1927 года.

Там изложены дедовские приемы, ныне, увы, прочно забытые. А зря. Гордиться славою предков не только можно, но и должно.

Например, при истерии лучшим лекарством была «настойка струи бобра». Знакомый, который мне все это прочитал, никак не мог выяснить, что же это такое. Наконец нашел: оказалось, что ее делают из препуциальных желез бобра, которые, стало быть, располагаются под его крайней плотью; очень вонючая жидкость.

И мне теперь не дает покоя вопрос: из живого бобра вытягивают эту живую воду или из покойного? Потому как мало словить бобра, отвлечь его от социалистического строительства – ему еще нужно сдвинуть крайнюю плоть, подергать все это дело, подставить склянку. Или явить ему какой-нибудь эротический образ, чтобы увеличилась рабочая поверхность органа – в общем, весьма дорогой препарат. Зато любую истерию – как рукой.

Еще там расхваливали пиявок, вкупе с хитроумными устройствами для их полостного внедрения. Эти устройства не снисли никакой инквизиции, пиявку можно подселить буквально куда угодно и там оставить до обоюдного удовлетворения. И вообще этот метод преподносился как самый передовой.

Однако самое сильное впечатление на меня произвели банки. Это не те безобидные банки, которые мы знаем и которыми в душевной простоте пренебрегаем. Как бы не так. Большая кастрюля, с встроенным насосом! Абсолютный вакуум. И это еще полдела, к той кастрюле присобачены специальные ножи, штуки четыре, которые автоматически надрезают кожу. Фирма гарантирует качественный отсос до трех литров крови.

Я начинаю думать, что Дело Врачей неспроста затеяли. Сперва Врачи поставили кастрюлю Крупской, потом – Горькому, или в иной последовательности, забыл; потом хотели поставить Сталину, но он оказался проворнее и поставил им свою.

Овощной Бог

Благодарные больные бывают совершенно несносны. Еще хуже бывают их родственники.

Лежала у меня, помню, старушка, обездвиженная. Ездил в кресле. Хорошая бабушка, приветливая, я к ней проникся добрыми чувствами, и она ими тоже пропиталась, и постоянно обещала сделать мне некое поощрение за медицинскую сердечность. Полтора месяца будоражила воображение. Мне уже казалось, что она завещает мне квартиру.

Когда наступил последний день нашего общения (я уходил в отпуск), она не находила себе места.

– Что ж мой дед-то не едет! – причитала она всякий раз, когда натыкалась на меня в коридоре. – Всегда, как не надо, он здесь, а сегодня не едет!

Я утомился ее утешать и стал прятаться. Время шло, бабушка убивалась. Мы с коллегами уже отпраздновали день медработника, который надвигался неумолимо. Уже переоделись и пошли на выход совсем, как люди. И вдруг я слышу: стойте! стойте!... Оборачиваюсь и вижу Формулу-1: мчится бабушка. Сияет: дед приехал.

Подарила мне водку в лимонадной бутылке, завернутую в позавчерашнюю газету.

Выпили с урологом в лесу.

Или еще случай, но уже не со мной, а с маменькой. Она, как я выражался в 1-м классе, «каждый день детей рОдит». Работает в родильном доме. Однажды там кто-то родил, и у нас на квартире объявился свежий папа. Пришел, сел за стол, стал пить чай. Лысый, круглый и не без высокомерного барства. Наконец, отодвинул чашку, вздохнул и заговорил с таким видом, будто сжигал понтонный мост, перегородивший Рубикон:

– Ну, ладно. Вы знаете, КТО Я?

Это было сказно так, что у мамы моей возникло чисто детское любопытство. Мультфильмовое, как я его называю. Неужели бог? Она склонила голову и поощрительно шепнула:

– Кто?

Оказалось лучше бога: директор овощного магазина. К сожалению, он размножился.

Косарь и Отличница

Когда мы изучали фармакологию, сенсей велел нам играть в увлекательную игру.

Условия были такие: один прикидывается доктором, другой наряжается больным, а третий – медсестрой. Доктор лечит, больной нарушает, а медсестра все путает и делает неправильно. Задача: вылечить больного вопреки неблагоприятному расположению звезд.

Доктором назначили одну очень правильную Отличницу, больным – известного Косаря, не слишком усердного в медицинской учебе. Медсестрой же, если мне не изменяет память, был я сам и глубоко вжился в этот образ.

Понятно, что Доктору пришлось несладко. Отличница искренне хотела помочь Косарю. Но тот обнаружил фантастические познания по части разного рода диверсий, изобретательно нарушал режим, пил в больничном туалете водку, выбрасывал в унитаз таблетки, прописанные Отличницей. Что касается Медсестры, то в моем исполнении она приобрела уголовно наказуемые черты.

Косарь уверенно вел партию к недетскому мату. Отличница решилась назначить последнее средство.

– Да? – ликующе замер Косарь.

– Да, – твердо сказала Отличница.

– Очень хорошо! – воскликнул Косарь. – На следующий день больной умер!

– Да, – кивнул довольный сенсей и объявил игру законченной. – Больной умер.

– Ага, падла!.. – прошелестели мы с Косарем.

Протозоя

Забрался я, было дело, по неестественной надобности на один медицинский сайт. Речь там шла об эпидемиологических исследованиях.

У меня в глазах потемнело от формул с интегралами да логарифмами.

А я-то, глупый, двадцать лет ломаю голову, зачем нас на первом курсе учили высшей математике и физике. Мне и не снились такие высоты.

Более того – мне не снились даже равнины.

Хотя наш коллективный разум – еще не медицинский, но уже и не школьный – вполне походил на эти равнины; такой же был плоский во всем, что касалось точных наук.

Наш физик, похожий на высокого молодого филина, которого рвут на части ночные соки, но куда их выплеснуть, садился, подпирал щеку и молча глядел на нас сквозь дымчатые очки. Потом вздыхал:

– Господи, какая же с вами тоска.

И вывешивал плакат: Микроскоп в разрезе. С издевательской бодростью объявлял:

– Микроскоп. Какие будут гипотезы?

Лекции нам читал маленький добрый человечек, профессор Замков, единственной заслугой которого было то, что он числился сыном скульпторши Мухиной. Никто его не слушал. Швырялись пивными бутылками, выкрикивали хульные слова.

На экзамене мне достался вопрос про какую-то интерференцию и опять же про микроскоп. Благодаря этой загадочной интерференции можно было рассматривать болезнетворное простейшее, протозою, без всякого для него ущерба. И я полчаса жалел эту протозою космодемьянскую, и радовался ее счастливому избавлению, пока меня не перебили и не спросили:

– Тройки за наглость хватит?

– Да, – сказал я.

Теперь я думаю, что не такой уж я был наглый. Я, во всяком случае, не кидался бутылками в сына Мухиной. А те, кто кидались, сейчас кого-нибудь лечат, ни уха и ни рыла не смысла в физике.

Доктор Томсон

В медицине меня часто спрашивали, когда же я начну заниматься наукой.

Больничный профессор выжидающе рассматривал меня, думая, что я вот-вот созрею и начну возить его пробирки в Институт Экспериментальной Медицины.

Но он не дождался.

Я насмотрелся на разную науку, когда учился на нервной кафедре. Там мне открыли глаза. В частности, на большие старинные шкафы, набитые уродливыми позвонками и пробитыми черепами вперемежку с авоськами, полными бутылок. Я в жизни не видел столько пустой посуды – разве что в пунктах ее приема.

Мне объяснили, что на кафедре царит групповщина, и пьют узкими группами по два-три-четыре человека, причем эти группы никогда не пересекаются. А шеф жрет в одиночестве.

Такие обычаи, может быть, меня бы не остановили. Но я уже носил в себе первый кирпич нелюбви к науке, заложенный доктором Томсоном, когда я на третьем курсе учился у него патологической анатомии.

Доктор Томсон слыл извергом; как-то получилось, что мне повезло, меня он не тронул. Но в душу запал.

Он был молод, высокомерен, со злым голливудским лицом.

– Моя фамилия Томсон, – подчеркивал он. – Не Томпсон.

Как будто это что-то объясняло.

Доктор Томсон без передыху сыпал избитыми гадостями: «стервоидные гормоны», «введение – неприличное слово».

Он на дух не переносил практическую медицину и намекал, что близок к важному открытию.

На каждом занятии он возбужденно прищуривался и заводил разговор о лейкоцитах:

– Что это за функция такая – прибежать по сигналу тревоги и превратиться в гной? Примчаться, чтобы погибнуть? Не значит ли это, что они – функциональные импотенты?

И делал паузу, чтобы мы успели оценить глубину его догадки. Мне было наплевать на потенцию лейкоцитов, потому что я уже заранее предвидел, что дело закончится тасканием пробирок. К тому же на войне, как на войне, а палец – он поболит и пройдет, несмотря на половую несостоятельность всякой мелочи.

– Мне вот это интересно, – доктор Томсон все сильнее и сильнее себя взвинчивал. – А вы, если вам это не интересно, можете отправляться в деревню Яблоницы Волосовского района и щупать старушек.

Он угадал наполовину, старушек мне хватило и в Питере.

Нынешняя наука не по мне, не та эпоха.

Если бы мне выдали астролябию с чучелом замученного крокодила, да поселили в кирпичной башенке, то там я, укутанный в мантию звездочета и его же колпак, открыл бы, наверное, планету Хирон, ошибившись по средневековому невежеству в букве. А без колпака – извините.

Горнило

Люди делятся на деликатных и не деликатных.

Деликатным жить трудно, остальным – легко.

Помню, был у меня больной, которому, хоть он и больной был, было легко, а мне, здоровому, с ним было плохо. Потому что я ставил ему банки.

Я был студент и подрабатывал медбратом. А эта туша отдыхала ничком, на рыболовецком пузе: румяная, многосочная, с легким бронхитом. Я ставил банки, а туша хакала-крякала: «Эх! Эх!» Потом с удовольствием испортила воздух, сама того не заметив. Вернее, не придав значения. И снова закрякала.

Сколько проблем не стало бы, если б так уметь.

У меня есть приятель, очень робкий и тревожный на людях. В студенческие годы у него тоже случился похожий Урок Мужества – правда, чуть иного рода. В колхозе.

Один студент сгонял на выходные в город и вернулся с банкой ветчины.

Выставил людям, те быстренько сомкнулись в круг, а мой приятель остался за его пределами. И там подсказывал, за магической чертой, заглядывая через плечо.

Наконец, умирая от неудобства, осведомился у хозяина ветчины, под дружные звуки большой коллективной ротоглотки:

– А можно мне взять один кусочек?

Один едок, сидевший ближе других не сдержался. Его мой приятель уже достал своими аристократическими вывертами.

– Чтоооо?!... Кусочек?!... Сожри всё!... и еще пизды ему дай!...

Унтер-антидепрессант

Сколько я перевел всякой всячины про депрессию и как ее лечить – уму непостижимо. И вот блиц-сеанс из жизни.

Есть одна воинская часть, под Питером, и прибыло в нее пополнение. Молоко там, не молоко – черт его разберет, что у них; короче, не обсохло еще. Ходят ошалелые, форма мешком болтается. Вчера писали диктанты, а сегодня уже служат.

И вкалывают с ночи до ночи: копают, носят, перетаскивают, складировуют.

Через несколько дней на утренней поверке одного недосчитались: нету.

Старшина, или кто там распоряжается, пошел искать.

Завернул в сортир, начал проверять кабинки. Заглядывает в одну и видит: нашелся боец. Сидит, заливается слезами и пилит себе вены.

– Ты чего это? Ты что тут делаешь?

Солдат, всхлипывая:

– Я... я... никому, никому здесь не нужен...

Старшина изумился так, что на минуту лишился речи. Он совершенно искренне поразился и даже обрадованно всплеснул руками:

– Как? Почему? Как это не нужен? Работы сколько! Быстро пошел, быстро бери лопату!

...

Дрянная зависимость

Иногда загрустишь, как задумаешься, от какой дряни зависит твоя благополучная жизнь.

Я, конечно, не про людей говорю, про обстоятельства.

В институте, например, у меня была тройка по ЛОР-болезням. И мне, по-моему, не дали из-за нее стипендию. А может быть, дали, но все равно обидно.

И кто же приложил к этому руку?

Один, в частности, тип. Мне его выдали для курации. Я должен был внимательно его изучить и написать про него самодельную историю болезни с оригинальными мыслями.

Этого типа, как выяснилось, ужалила в ухо какая-то мошка-молодец. Ухо разнесло в целое блюдце диаметром. Ну, и что тут выяснять? Он сидит и не соображает ни хрена, да и соображать нечего. Цедит что-то сквозь зубы, рассматривает свои шерстяные носки, а те уже не шерстяные, а керамические. И такая от них двинулась ударная волна, что у меня, как и положено в ЛОР-болезнях, перехватило и горло, и нос, и ухо заложило.

Понятно, что за мои соображения по поводу уха и мошки вклеили нечто нехорошее.

И на экзамене припомнили, потому что я уже, получилось, себя плохо зарекомендовал.

Вообще, лютая была кафедра. Мелкая и злая. Их профессор, молодой еще совсем, настоящее удовольствие получал от своих темных дел. Сидит за столиком один негр, готовится отвечать по билету. Надеется попасть к кому-нибудь подороже. Ему, негру, что горло было, что нос – все едино, одинаковый занзибар.

Тут входит профессор, только что с операции, распаренный и хищный.

– Так! Давайте-ка мне кого-нибудь!...

– А вот... (указывают на съездившегося негра).

– А ну, пошли!

Схватил за шиворот (я не вру), поволок к себе.

Потом, уже насобачившись в поликлиниках-больницах, я этому профессору не то тетку его лечил, не то бабку. Так он мне бутылку подарил, которую не жалко. У него их, понятно, много было, как у любого профессора.

Профессор Козьмин-Соколов

Раз уж я снова взялся рассказывать про учителей, не грех припомнить приятных. Были же такие? Были.

Натаскивал нас один профессор-микробиолог по фамилии Козьмин-Соколов. Настоящий профессор, давней выделки. Пожилой, крепкий, с огоньком; чепчик какой-то нелепый, словно из задницы вынутый, но это не в ругательном смысле. Очки. Брови сведены, лицо серьезное и чуточку удивленное.

Он хорошо знал цену нам и нашей учебе. Никогда не упускал случая сделать какую-нибудь ремарку:

– Та-ак. Прекрасно. – Поднимает палец, поворачивается ко всем: – Смирнов – опытный дежурный...

Таким тоном, будто ему это и в голову не приходило. А я молча разношу гниlostные пробирки: знаю, куда ставить, потому что второй раз уже.

Но главное – главными были его ботинки-долгожители. Мой приятель даже рот себе зажимал обеими руками. Глаза, казалось, вывалятся от натуги, а поймать нечем.

Это были сверхботинки, им не хватало только веревочки, перевязать. Описывать их незачем. Каждый и без меня хорошо знаком с этим шаблонным образом. Знаете, на удочке такой ботинок достают из пруда, вместо рыбы? Ну вот. Такой же.

В них-то профессор и расхаживал меж столами, шлепая ботинками.

Уже ползанятия прошло, я сижу, отдыхаю. Вдруг он резко останавливается, замирает на полуслове, оборачивается ко мне. С тревогой:

– Как вы себя чувствуете?

Я вжался в сиденье, потому что сидел с подбитым глазом и радовался, что никто меня за это не трогает.

Эмблема печали

Интересный случай, который я сунул в один старый рассказ, но его мало, кто читал. Случай и без рассказа славный.

Принимает специальный доктор человека. У того вдруг ни с того, ни с сего началась белая горячка и расстроила все его планы. И этот человек, вместо того, чтобы ловить классических и давно надоевших чертей, просит бумагу и ручку. Начинает рисовать, но поминутно прерывается, перегибается через стул и с кем-то сумбурно беседует. В командной манере.

– А с кем же вы разговариваете?

– А с товарищем моим, Васей (Борей, Петей, Колей). Он превратился в жучка, залез мне в жопу и не выходит, подает оттуда сигналы.

– Теперь все понятно. Так. А это что? – Доктор тычет в рисунок. На рисунке – пышная, вполне толково изображенная роза.

– А это я сам.

Folie a deux

В психиатрии считается, что бывает такая штука: folie a deux, как они пишут для непонятности. Но я-то люблю разглашать врачебные тайны: читайте – «безумие на двоих».

То есть вот это что: если жена рехнулась, то и супруг не отстаёт. Обратное тоже верно. И в итоге доктор не знает, кто начал первым.

Но я, на заре моей практики, открыл, что поделиться можно и другими болезнями.

Знал я одну пожилую пару. Условная родня.

У супруги, проворной и радостной бабулечки, имелся чудовищный зоб. Огромных размеров. Он ей, конечно, совершенно не мешал. Она ела, пила, плясала и шутила с этим зобом.

Познакомился я с ними, как сейчас помню, посидел, попил чаю. Жена толкает меня: пошли, мол. Ну, мы пошли. А на пороге хозяин дома вдруг говорит:

– А у меня тоже зоб.

Пытаясь оскалиться сколь можно вежливее, я недоверчиво смерил его, грузного, взглядом и усомнился.

– Ну, как же, – сказал он.

Полез в пинжак и вынул инвалидную сиреневую справку.

– Вот, – тычет пальцем, – видите, написано: зоб.

Смотрю я в бумажку. А там, в разделе «причина инвалидности», проставлено «зоб». То есть заболевание. Писать же слово целиком – долго, неприятно, чайник собесовский выкипает, селедка портится. Вот и сокращают. Таких «забов» пруд пруди.

– Это не зоб, – объясняю я мягко. – Это от слова заболевание. Означает, что вы инвалид потому, что чем-то болеете.

Но он мне не поверил и мрачно спрятал бумажку обратно в пинжак же. Он до того сжился с супружеским зобом, что не видел возможности уклониться от этой уважительной редкости. Он думал, будто вполне заслужил себе право иметь зоб.

А говорят – безумие на двоих. Какое тут безумие, когда обобществляется материальный нарост. Это не безумие. Впрочем, оно там тоже было.

Еще один довесок

Ночь. Тело без паспорта. Вынуто из сугроба. Доставлено без комментариев, почти не дышит, не говорит даже, пахнет химией, мелкие ссадины. На снимке – непонятно.

Звать нейрохирурга всегда стыдно. Он добрый человек, пожилой, спит дома, в больнице не дежурит. А вдруг напрасно позовешь? Машину зря гонять, будить, операционную готовить. Брить бесчувственное тело.

Тем более, что доктор безотказный, поедет.

У него, правда, на выходе результаты не очень. Ничего не попишешь, тяжелые очень больные.

– Здравствуйте... У нас тут, знаете ли... Я не могу исключить...

– Ну хорошо, я приеду, насверлю ему дырок, а дальше – как бог решит.

– Видите ли, я не уверен, что там что-то будет такое, чтобы сверлить...

– Ну, напиши, что есть подозрения, я приеду, зачеркну.

Ной Хау

Когда у нас была Империя Зла, это были не пустые слова.

Рейган знал, про кого говорил.

На четвертом курсе я учился оперативной хирургии. Дело это было дохлое, потому что какой из меня хирург. Там учить приходилось много, наизусть, да еще руками резать, трупов. И собак живых. Они потом бегали и плодились по всему институту, кое-как сшитые.

Однажды я даже порезался и радостно стоял в сторонке, следил за скучным потрошением. «Самострел!» – обозвал меня доктор. Но помиловал. Начал рассказывать про интересную операцию трахеостомии, которую должен уметь делать любой доктор, даже какой-нибудь захудалый физиотерапевт из поликлиники, который только и понимает, что нажимать кнопку «пуск», да переворачивать песочные часы.

Потому что такая грубая дырка в горле может спасти чью-нибудь неосторожную жизнь.

Эту трахеостому – под одноименный учебный фильм – нам провертели во всех местах по закону созвучия. Рассказывали, как мама сделала ее ребятенку столовым ножиком, и тот задышал. Еще одному везунчику прокрутили в туалете, штопором. Гвоздем делали, шилом, еще чем-то. Может быть, пальцем. Да мне-то что, я все равно не умею. Сделаешь – и не отпишешься.

Но вернемся к Империи Зла и Рейгану.

Берет наш доктор хитрую железяку с острым концом, трубку. На дворе – 1984 год.

– Вот так, – показывает. – Вбиваете в горло, разворачиваются лепестки, для фиксации. И пациент дышит. Это у нас такую придумали! Ни у кого нет. Даже у американцев. Их полицейские, между прочим, обучены делать трахеостомии, в рамках неотложной помощи. Для спасения мирных граждан. И дыроколы у них есть, но только у нас теперь намного лучше.

– А надо им продать, – прошелестел вкрадчивый голос одного нашего товарища, который, как я уже рассказывал, украл аппарат «Электросон».

У доктора запотели очки. Он покачал головой и недоуменно расхохотался:

– Вы что? Во дает!... Нашли друзей!...

Наследие розенкрейцеров

Сейчас я буду раскрывать один масонский секрет. Дело в том, что в невропатологи я отправился неспроста. Меня всегда соблазняло тайное знание, представленное в древних инкунабулах под видом символических рисунков. Я рассматривал примитивные изображения холмов, божественных ликов, неуместных и любопытных путников, которые доиграются. Застенчивых змей, приколоченных гвоздями к кресту. Младенчиков, которые безропотно и с некоторым даже удовольствием отправляются в какой-то котел. По непонятной причине строгие старческие физиономии. Двоеперстия. И тому подобное розенкрейцерство.

Я рассуждал: не может же оказаться, что все эти слабо художественные картины были созданы просто так. В них, конечно, прячется высшая мудрость Николы Фламелья и Джона Ди. И я обратился к другим книгам с картинками, где мудрость была не высшая, но тоже ничего.

По мощам и елей, как говаривал один патриарх. Дело кончилось тем, что в учебнике нервных болезней я нашел картинку, которая была ничем не хуже тех самых, средневековых. Не менее аллегорическая. А то и более. Многие, я думаю, видели эту картинку, но мало кто познал ее глубинный, второй смысл на практике. Рисунок изображает представительство разных органов в мозговой коре. Сколько мозга и за что отвечает. Известно ведь, что организм такая свинская штука, что ответственность в нем возможна только коллективная, а значит – ничья. А я в итоге, аккуратно по Герману, отвечаю за все. Вот тебе и дорогой мой человек. И в радужке представлены все органы, и в ухе, и в пятке, и в коре.

А если что-нибудь из этого отрезать, то ничего не случится, хотя, казалось бы, сразу конец, целое посольство вырезали. Не стало пятки со всеми ее парламентариями от желудка – и ладно. Откусили ухо с чрезвычайным и полномочным послом независимой гениталии – наплевать. Слышать не слышно, а гениталия процветает. И с корой то же самое бывает. Нет коры, отмерла или вовсе не существовала – полный порядок. Жизненно важные органы продолжают работать.

Но вернемся к мозговому представительству. Больше всего мозга идет на лицо, рот (якобы для речевой деятельности) и кисти рук. А остальному – по чуть-чуть. Поэтому на картинке изображен мозг, а на мозге разлегся кошмарный урод: в основном, огромная пасть и загребущие лапы. Вот какими мы предстаем перед мозгом. И, может быть, даже перед высшими инстанциями, которые управляют мозгом из космоса. Вот так. А тайное розенкрейцерское знание заключается в следующем. Как лицо отражается в мозге, пастью своей звериной, так и мозг отражается на лице! Чтобы прийти к этому второму, сокровенному знанию, мало выучить учебник с картинкой. Надо заняться Умным Деланьем в окружающей среде. И я не раз видел: да, полная аналогия. Именно так все на лице и отражается. Весь мозг.

Теория Вирхова

Расчудесный писатель Клубков мучился деснами. Явился ко мне и начал сдержанно мучиться.

– Лечи печенку, – говорю. – Это же все от нее.

Оно и вправду так, особенно в китайской трактовке. Глаза, например, тоже зеркало печени: слезятся с бодуна и желтеют при желтухе. А с деснами вообще все просто, можно объяснить сосудистым ходом. Велел я ему пить травку-расторопшу. И стал он ее пить. А потом пошел к знакомому патологоанатому и все ему рассказал.

– Чччччто за чушь!... – взвился доктор. – Чччччччто он такое говорит?!... Лечить надо орган! орган!...

И сердито замолчал. Третьим глазом прислушиваясь к немцу Вирхову, старому медицинскому гестаповцу, который тоже так думал. Ответные похвалы, которыми сыпал Вирхов, доктор улавливал без труда. Благо по долгу службы давно привык сообщаться с потусторонним миром.

Конечно, нет хлеба – кушай пирожные, это ясно. Ему-то лечить орган одно удовольствие. Органы аккуратно разложены на подносе, рядом – острый ножик, стакан спиртика, лучок, беломор-папироса. Все абсолютно ясно. Безошибочная диагностика.

Child Abuse

Сейчас много рассуждают о сексуальной травме детского возраста. Не в трамвае, конечно, а в книжках, которые я вынужден читать по работе. И постоянно приводят какие-то примитивные, грубые примеры. Вот у меня была травма достаточно необычная – вернее, ее обстоятельства.

Когда мне было лет семь-восемь, бабушка возила меня в пионерлагерь Инструментального Завода. Она там работала докторшей. И я развлекался вольготной жизнью. В казарме не жил, на линейку не ходил, в глупые игры не играл. Общественные ребята меня за это, конечно, недолгоблюдали. Учили разным плохим вещам. Один раз научили стишку и сказали: прочитай папе. Но я уже что-то подозревал и решил сначала порадовать бабушку. Дай, говорю, я тебе стишок прочитаю. Бабушка растрогалась: лубочный внучек будет читать лубочное стихотворение. Поставила меня, в коротеньких штанишках, на стульчик. Откуда я изрыгнул такое, что у нее кровь отхлынула от поверхности тела.

А потом эти ребята научили меня рисовать на руке сердце, пронзенное стрелой. Я с удовольствием нарисовал этот символ шариковой ручкой. И гордо расхаживал. Не знаю, что я себе воображал, но, видимо, эта акция вполне устроила мою зачаточную сексуальность. Но бабушка таких вещей не выносила. Она, пожалуй, даже с излишней болезненностью воспринимала всякого рода блатную атрибутику. Что-то здесь было нездоровое, оставшееся у нее от рабфака 20-30-х годов. При виде убитого сердца она рассвирепела. Схватила меня за руку и поволокла в баню, хотя я весь уже успел помыться, был банный день, и у меня осквернилась только рука. Но она все равно потащила меня в баню целиком. А в бане мылся женский обслуживающий персонал. Доисторических размеров поварихи, прачки и уборщицы. И в этой бане, думая, что я ничего не смыслю, бабушка стала отдраивать мою руку. Затолкав, разумеется, меня к этим женщинам, в чем мама родила.

Я мало что помню. Какие-то чудовищные фрагменты. Или это позднейшие наслоения Рубенса? Эрмитаж? Клубы пара, страшное уханье. Обнаженные горы. В какой-нибудь Америке мою бабушку не то что засудили бы за беспрецедентный абьюз – ее бы казнили. Мне достаточно было бы позвонить в 911. Но я совсем не хотел, чтобы бабушку судили и казнили. Я понимал, что виноват, и что пронзенные стрелами сердца – ужасное преступление. Да и позвонить было неоткуда. Начало 70-х – откуда там телефон? Если только у начальницы. И то, наверное, не было. Никакой Америки. А то бы они живо. Я, между прочим, по сей день не выяснил, в чем эта травма сказалась. Но должна была сказаться. Это точно. Что-то слетело с катушек, а я и не вижу.

Романенко

Многие сволочи и скоты в душе своей добрые и милые люди. Это все окружающая среда виновата.

Был такой небезызвестный Романенко, философский историк партии научного коммунизма и атеизма. Помогал ковать кадры в нашем медицинском институте. Для Фабрики Здоровья, получается. Однажды он окончательно съехал с катушек и спятил на почве коммунального антисемитизма. Зашумел, попал в газету и телевизор, возглавил богатырское движение и написал книгу. О происках.

Благодаря связям, которые он успел наладить в медицинской среде, его так и не освидетельствовали. Он, однако, сетовал на гонения. И принялся раздаривать свою книгу. Студентам, прямо на занятиях. Жал руку, писал благодарные слова и дарил.

Настолько обезумел, что подарил ее одной девушке Гале с невыносимо ветхозаветной фамилией. А внешность у нее была такая, что можно было еще одну книгу написать на ту же тему. Эта Галя вообще втиралась в доверие. Ее один светозар невнимательно трахнул, а она ему потом руку поцеловала. И вот их глаза встретились. Оловянные Романенко и ее, ветхозаветные и печальные.

Романенко рукопожал Галю. И написал ей: «Товарищу по борьбе, в трудную для автора минуту». А вы говорите.

Месть и закон

Вот немножко о товарищеском суде в родильном доме. Дела давно минувших дней.

Приехала однажды комиссия всех проверять и нашла там сифилис у Надьки 53-х лет. Почему-то удивились и начали проверять уже по-настоящему всех. Нашли еще один сифилис, у Тоньки, но уже 19-ти лет. Надька была санитарка, а Тонька была медсестра.

Надели резиновые перчатки, sprыснули одеколоном, взяли Надьку и Тоньку за провинившиеся места и стали пытаться. Не успели еще засунуть Тоньке испанский сапог, как она набросала список половых друзей: 21 человек. Это которых она помнила. В первом и последнем приближении с их стороны. Я думаю, командира и комиссара она не выдала.

Потом Тонька, Надька и Один Их Друг собрались у Тоньки. Что позволило Тоньке наконец-то ударить Друга ножом. За дальнейшую эстафету сифилиса. Окровавленного Друга свезли на заслуженное комплексное лечение, а Тоньке устроили товарищеский суд Линча.

Были вопросы: почему же просто товарищеский? За такие-то достижения. Набил полный конференц-зал. Раз уж суд товарищеский, позвали тамбовского волка. Пришел милиционер. Тонька держала возмущенную речь:

«Решили отметить. Я, как порядочный человек, принесла поллитра. А Надька что? Надька на закуску поставила только четвертушку круглого. Чего ж вы хотите?»

Грезы и будни

Казалось бы – уж логопеды? они-то в чем провинились?

Да ни в чем, конечно. Просто я уже не раз намекал, что в нашу больницу стянулись очень странные люди. И стала она резервацией.

Я любил навещать логопедов, отдыхать с ними душой. Чай пил, разговоры разговаривал.

Одна из них, милая и приятная женщина, иногда становилась откровенной и непосредственной. Признавалась в разных вещах. Это она, когда мы обсуждали достоинства семейных мужских трусов, добавила к чьим-то хвалебным словам «Рука свободно проходит» личное наблюдение: «И голова».

Очень дружила с нашим урологом. Однажды, по сильной зиме, он не приехал, а она его ждала. Он позвонил, и все мы стали свидетелями раздосадованного выговора:

– Почему же вы не приехали?

– Так холодно! – слышно, как уролог взволнованно оправдывается в далекую трубку. – Минус двадцать пять!

– Почему моя личная жизнь должна зависеть от вашего замерзшего эякулята?...

Потом она как-то раз, поглядывая еще на одного доктора, призналась мне по секрету в мечтах. Ей хотелось вскрыть доктора острым предметом – желательно ногтем, выпустить все, что внутри, наружу и красиво разложить. Были и другие желания, которыми она делилась. Третьего доктора она хотела съесть, переварить и выделить.

Но грезы грезами, а будни – буднями. Начиналась работа.

Логопед садилась за стол и приступала к занятиям с онемевшими паралитиками. Те мучительно мычали и не справлялись. Им было велено сидеть с руками, положенными на стол.

Логопед, улыбаясь, поигрывала линейкой. Но линейка не всегда помогала. На этот случай под столом была нога, обутая в острую туфельку. Все в ней было острое – и носик, и каблук.

Щелкунчик

Нашу поликлинику посещал выдающийся больной Городулин. Его фамилию я только чуть-чуть изменил, чтобы не улетучился легкий налет дебильности.

Поджарый, с огромной челюстью и редкими зубами, похожими на колышки, которые спьяну наколотили для долгостроя, он был неизлечимо безумен. Угрюмое помешательство застыло в его выпученных глазах, тоже остановившихся.

На мой взгляд, любая конкретизация смысла жизни есть безумие. Чем мельче, тем безобиднее, но окружающим все равно достается. Идеальный образчик – пенсионер, изобретающий радио. А Городулин направил свою энергию в иное русло. У него был сустав в районе лопатки. У всех такой сустав есть: лопатка, ключица, плечевая кость. Но Городулин умел им щелкать.

Через это дело он думал выхлопотать себе инвалидность. В начале 90-х с этим было попроще, чем сейчас. Теоретически, он мог преуспеть. Очень зыбкая тема. И так можно решить, и сяк. Но решали все время сяк, то есть не в пользу Городулина.

Ни о чем другом, помимо ослепительной картины будущей инвалидности, Городулин не думал. Его раздевали до пояса и он, как заправский иллюзионист, принимался вращать рукой и гулко щелкать суставом. По-своему, он был прав: не должно же щелкать! С этим щелканьем познакомилась вся поликлиника. Он, торжествуя, щелкал везде. Попутно сетовал еще и на хребет, где что-то срослось, но это уже было не так эффектно. Зато щелчки повергали всех в растерянность. Никто не знал, что с ним сделать и как его вылечить. Никто не понимал, каким образом эти щелчки ограничивают профессиональный потенциал Городулина. А они ограничивали. Он все время сидел на больничном и чаще всего – у меня. Собирали комиссии и консилиумы слушать, как он щелкает. Приглашали моего сменщика, лютого неврологического зверя, но и тот оказался бессилён. А главврач был стоматологом, он вообще впервые в жизни видел этот сустав.

Городулин ликовал и оттопыривал нижнюю губу. Он ловил докторов на улице и заговаривал с ними об инвалидности. Отлавливал их в автобусе. На прием являлся последним и без разрешения, когда я уже пиво откупоривал.

Однажды, на излете лета, щелкунчик остановил меня на пути домой. Начал жаловаться на докторов и сустав. Я присел на лавочку, усадил его рядом и сказал, что у меня есть план.

Он мрачно и недоверчиво слушал, глядя прямо перед собой.

– Вот так будем действовать, – сказал я ему на прощание.

Через несколько дней я уволился.

Кодекс здоровья

Пришла дочкина подружка, играть. Говорит, что папа заболел. Температура, горло и все такое.

– Лечится? – интересуюсь.

А как же.

– Он выпил святой крещенской водички и сел смотреть «Старика Хоттабыча».

Социальное научение

Продолжаю перебирать полученные сексуальные травмы. Настроение такое.

В пионерском лагере мы с друзьями строили разные планы. Все они заканчивались одинаково: догнать и поймать сверстницу, привязать ее к дереву и снять трусы. А дальше – непонятно.

Приехал ко мне в гости мой дедушка. И я поделился с ним своими идеями.

Дедушка помрачнел и запретил.

– Один вот тоже, – сказал дедушка. – Побаловался с девочкой, а она ему говорит: женись на мне! Он не захотел. И его посадили на десять лет. Вот как опасно!

Драйвер, поставленный мне дедушкой, был заархивирован и распаковывался по мере надобности.

Действительно, опасно с этими девочками. Десять лет – ну на фиг, я решил никого не привязывать. Наручники там, батарея – это же верный срок.

Несуны

Я и сам был несун.

На первом курсе мы ходили в анатомический театр, в самый партер. И я таскал позвонки: поиграть, погремать, похвастаться. Они были чистые, аккуратные и почти ненастоящие.

Но попадались и матерые расхитители социалистического добра. В анатомичке к их услугам был огромный чан: ванна с крышкой, наполненная первичным некробульоном. В бульоне плавали Органоконплексы. Их вынимали либо черпаком, либо – сейчас уже не вспомню – сачком, а то и просто рукой, с рукавом, закатанным по плечо.

По нашему институту ходили легенды про украденные головы. За их правдивость не поручусь, а вот Органоконплекс однажды украли. Положили его в хозяйственную сумку и повезли в метро.

На контроле сержант, привлеченный криминальным запахом, остановил несуну.

– Что у тебя там? – спросил он строго. заглянул в сумку, расслабился, махнул рукой: – А, мясо...

И отпустил. В милиции тоже люди. А с мясом тогда было не очень. Все носили, потому что была Империя Зла.

Активное выявление

Есть одна специальность с очень удачным названием: лечащий патологоанатом. Не ограничивается микроскопом.

Нашего я очень хорошо помню: как он ходил по отделениям, встревоженный чем-то и с разинутым ртом, в халате, рука об руку с каким-нибудь доктором. Больные вежливо здоровались, не зная, кто перед ними. А он смотрел пустыми очками, но видел все. Подмечал.

Это называется вот как: Активное Выявление. Означает, что доктор не сидит и не ждет, когда к нему притащится кляча, а сам отправляется по всем десяти этажам выискивать клячу, которая еще и не знает, что кляча, но догадывается.

Мне такое тоже пытались вменить в обязанность. Не тут-то было. Для меня стало приятной неожиданностью, что и на прозекторов этот приказ распространяется. И сгорают такие люди на службе, как всякие другие.

Один, например, сильно маньячит. Дом, где он живет, как раз окучивает Скорая Помощь моего приятеля. Ночью поступает вызов.

Клиент скачет, весь психически возбужденный:

– Я такой клинический случай знаю!

– Да на хер твой случай в три часа ночи.

Электрокардиограмма

Приехал тесть.

Тесть хитрый: ему надо в суд, а он хочет показать судье бумагу, в которой сказано, что он, тесть, сильно больной человек. Ну, возникла такая надобность. Долго объяснять. Бумагу такую тестю выдали, на Фабрике Здоровья. И даже не одну, да он их порастерял где-то, и сохранился только сердечный график компьютерной выделки.

Я, разумеется, не при делах: давно отошел от сердец и мозгов. Кто их знает, какие у них теперь графики. Машин много, одна умнее другой.

Вот приносит мне тесть график своего озабоченного сердца. Я беру и начинаю презрительно вникать.

– Хрень какая, – говорю. – Не проканаэт этот документ. Где дата?

– Га! – мрачнеет тесть.

– Где нумер исследования?..

– Га! – тесть чернее тучи.

– Че это такое, че это такое, – я пристально всматриваюсь в график. – Что у них за компьютер, почему по-французски пишет? Что это за обследование?...

Какие-то кривые, ось абсцисс, ось ординат. Годы, начиная с 1950-го. Сложная работа желудочков и предсердий. Сверху – клякса.

Ультразвуковая, думаю, картина. Камеры надорванного сердца. Заштрихованы черным для ясности.

Смотрю выше. Внимательно изучаю надпись. «Население Франции».

Это Ирки моей, жены, бумажка была, для французского урока. А клякса – сама Франция.

Надо, говорю, обязательно сходить с этим в суд. Присяжные грянут: больны!... все! повинны в инвалидности. Достойны пенсии и алиментов

Fool-proof

Боевое санитарное просвещение бесполезно.

Не нужно книжек с названиями вроде «Как родить здорового ребенка». Журнал «Здоровье» можно закрыть. С «Работницей» заодно. Потому что нету субстрата воздействия.

Одна особа, двадцати пяти лет, на сносях, обеспокоенно спросила у доктора:

– Я все-таки не понимаю: ребенок – он где, в матке находится? Или сидит на ней верхом?

По этому поводу старики говорят: ну что, ну куда, ну о чем говорить, Ленина не знает. Природа мудра, боится. Все равно родит.

Fool-proof-2

Вот еще немного про мудрую природу.

Учился с нами некий Серёня. Про него уже было, так что без подробностей. Большой и могучий, а челюсть еще больше. И как-то однажды произошла у нас оперативная хирургия.

Доктор взялся рассказывать про блуждающий нерв. Это, если кто не знает, очень примечательный нерв с печальной судьбой: он начинается в черепе, а заканчивается на слепой кишке. Так и выходит из бошки в свое последнее и скорбное путешествие. Оплетает пищевод, прихватывает сердце, и так далее. Сидел бы себе в домашнем черепе, на гипоталамической печи, и оставался при умных мыслях. А так пошел иван-дурак правду искать. Вот и нашел.

И доктор, описывая его ход в шее, втолковывает:

– Видели, наверное, в кино? Когда вот так – (показывает) – бьют человека ребром ладони по шее. Слева или справа. И тот сразу бряк! выключается. Так это его по блуждающему нерву бьют.

Идет же этот нерв, что важно, с двух сторон. Его два, правый и левый.

Серёня недоверчиво скривился:

– Второй-то пашет!...

Хорошее

Можно ведь и хорошо в медицине написать, правда? Положительное что-нибудь.

Как-то однажды сошлись мы в пивном баре «Кирпич»: мой однокурсник Дима, моя однокурсница Лара, я и еще один тип, друг моего счастливого детства. Мы прогуливали лекцию. Дело было курсе на третьем.

Купили водки и поехали ко мне в гости.

Там однокурсник Дима разделся голым до пояса и плясал, высоко подбрасывая прямые ноги. Друг детства снял платье с Лары, надел его и разгуливал по коммунальному коридору. Направляясь в сортир, задирает это платье заранее, чтобы удобно стало.

Мы с Димой взяли его и уложили на Лару, которая захрипела и не позволила ему лежать.

Потом моих гостей стошнило ковровой бомбардировкой, и они накрыли все вокруг, работая в веерном режиме. Посмеявшись и не прибравшись, мы пошли гулять, и Лара жаловалась, что в ней забыли гондон – а может, это в какой-то другой раз было, не помню.

Пришла моя матушка домой и сразу села. И доклады слушает, с которыми соседи выстроились.

Я это рассказываю к тому, что Дима вырос и сделался гинекологом. И поступил на работу как раз к моей матушке, под крыло.

– Знаешь, – говорит она мне, – а Дима-то такой, с тобой учился – он у меня!

– Да? – воскликнул я. – Это же он тогда...

В общем, проговорился. «Нормально, – приговаривала мама, поджав губы. – Нормально».

И сделала из Димы очень хорошего доктора. Настолько хорошего, что к нему даже попала рожать моя жена, и у Димы развилось нечто вроде предынфарктного состояния. Он побелел и покрылся испариной. Это был тот случай, когда сапер мог ошибиться только однажды. Не ошибся.

А нашим отличникам и активистам, которые в «Кирпич» не ходили и лекции не прогуливали, я бы черта с два доверился. Сволочь на сволочи. Без примеси обязательного и спасительного свинства.

Совсем скотам, правда, тоже бы не доверился. Например, той же Ларе-шалаве. Женщина себя блюсти должна, да. И другу детства, пожалуй, потому что он вообще не на доктора учился.

Абсолютный кошмар

Медицину помаленьку.

Может быть, кто-то помнит, как я рассказывал про страшную таблетку Цифран?

У этой антимикробной таблетки в побочном послужном списке значатся ночные кошмары и галлюцинации. Сам я ее никогда, конечно, не ел, а жене дал однажды, когда с ней что-то непонятное случилось, и ей потом все снились кошмары про еду. Она у меня вечно в кафе и магазинах попадает в какие-то пищевые истории.

«А чего это, – спрашивает, – мне все ужасы снятся?»

«А вот, – говорю, – таблетка».

Вдруг приехал к нам тесть из деревни. И сильно простудился. Не помогли даже теплые женские колготки, которые он носит. Или есть такие мужские? И вообще. Ничего личного, как говорится, но мне захотелось, чтобы он поскорее уехал. Тут-то я и подумал: «О! Дам-ка я ему таблетку и посмотрю, что будет».

С пищей у него отношения грубые: если щи, так нужно, чтобы ложка стояла, да бараний бок с кашей, да каша под боком... И я дал ему: нате, вот, выпейте.

А утром от волнения подрагиваю: интересуюсь его сновидениями.

Крепкий человек. Нет, кошмаров не запомнил.

Потом уточнил:

– Ну снилось так, текущее, текущее...

Сектор «Приз»

Другим писателям тоже есть, что рассказать про Скорую Помощь.

Это здорово. Иначе образуется кучка монополистов, метящих в олигархи. Только эти другие ленятся, сами не пишут. Пекутся о бисере, не думая о здоровой пище.

Вот, например, приходит ко мне писатель Клубков и радуется.

Была у него старая не то тетушка, не то бабушка, совершенно дряхлая. Ясное дело, померла.

Приехала Скорая Помощь с доктором. И доктор, беседуя при мертвом теле, проявляет мудрость и рассудительность.

– Это ничего, это все правильно и хорошо. А то приедешь к умершему, родственники налетают, плачут, вопят: заберите его! заберите! Переворачиваешь его на живот, а в спине – нож!

Производственная гимнастика

Врач, конечно, обязан умирать с каждым больным. Но он не обязан разделять его (или ее, как пишут в современной литературе) чувства при осмотре, скажем, влагалища. Особенно если врач мужского пола.

И во многих других случаях сочувствуешь, но не вполне сопереживаешь.

Но некоторые воспринимают так остро, что вынуждены гасить остроту разными жестами и словами.

Один, например, дублировал рассказ больной, жестикулируя на манер диктора для глухонемых. Так, чтобы сама больная не видела.

Та сидит, историю болезни рассказывает. Про кольца, которые ей ставили для укрепления внутреннего гинекологического строения и невыпадения органов.

– На кольца ходила, да, – вспоминает. – На кольца.

Рассказывает об этом доктору, который за столом.

А другой доктор стоит у нее за спиной. Брови насупил и руками активно работает, подтягиваясь на воображаемых гимнастических кольцах.

Иначе не выжить, граждане моралисты. Производственная гимнастика.

Аппетит приходит во время еды

Есть такие кисты. Между прочим, презанятные штуки. То есть болеть ими, конечно, нисколько не интересно – болят, рвутся, перекручиваются, и так далее. Интересно внутри.

Маменька моя, гинеколог, вырезала не одну такую, и не десять, а очень много. Все больше кисты яичников. Или яиШников, как выражалась наша лекторша, за что мы ее с удовольствием звали ЯиШницей и ЯиШней, и даже рисовали приготовление таких яиШниц, и поедание их, но это уже другой разговор.

Так вот: внутри кисты часто находятся всякие вещи, странные тем, что они, хоть и совсем обычные, расположились не по адресу. Располовинят ее, а там – клочок волос, или косточка, или зубы. Зубы очень часто попадают. Все это происходит потому, что в кисте сохранилась эмбриональная ткань, из которой этим зубам, да волосам расти бы и расти, жить и жить. Светлые горизонты состоявшегося бытия, наполеоновские планы. Но извольте: облом. Не привелось. Довольствуйтесь малой родиной в малом тазу.

А внешне по даме и незаметно, что там у нее чего-то не выросло.

Однажды в такой кисте даже маленькую лопатку нашли. И это при том, что у хозяйки уже две были, положенные по людской разрядке. Чья же третья? Загадка.

Как-то раз маменька после кровавого дежурства выходит на кухню, а там соседка наша переваливается утицей, Мария Васильевна, добрая бабулька, покойная. Тряпкой помахивает.

И маменька ей, сооружая завтрак, рассказывает: вот, дескать, Мария Васильевна, что бывает! Разрезали в животе кисту, а там – зубы! волосы! кости!

Мария Васильевна мгновенно согласилась:

– А что – так и проглотила!

Лепрозорий

Когда-то в Разливе стоял Лепрозорий.

Мое болезненное восприятие усматривало в нем символ, ибо он вырастал за окном как раз на подъезде к моей нестерпимой больнице. Он означал для меня некий водораздел. Окончание хорошего и начало нехорошего.

Это было мрачное здание, чуть скрытое редким лесом. Полуразвалившееся, в пять или шесть этажей безнадежного бежевого цвета. Немного готическое, с безрукими и безносыми привидениями. Ночные завывания: «На укол!» Окна зияют, проступает деревянный скелет.

Лепрозорий процветал, если я правильно разбираюсь, до наступления социалистической революции.

Потом, вероятно, в нем отпала надобность. Постояльцы либо естественным образом вымерли, либо разбрелись по народному строительству. Почему бы и нет? В эпоху всеобщего равенства неуместно гнушаться товарищами прокаженными.

Новая власть, мудро заботясь о населении, устроила в осиротевшем здании действительно нужную вещь: роддом. Потом его почему-то закрыли. Растоптали славное начинание. Нашли в земле какие-то неполадки в виде мужественных семян проказы. Они там, оказалось, спали. Они специально задуманы, чтобы переживать революцию и укрепление справедливости.

Наверное, это все неправда, я это с чужих слов передаю. И со своих глаз.

Может быть, на самом деле, именно там, а вовсе не в разливном шалаше, прятался Ленин. А шалаш сделали фикцией для романтической легенды. Я не знаю. Зато знаю точно, что Лепрозорий замечательно подошел Невзорову на съемках фильма про Чистилище. Его превратили в террористическую чеченскую больницу и долго взрывали, да бомбили, но прежний упадок был столь велик, что боевые действия нисколько на Лепрозории не отразились. Странно, что я не слышал, сидя в своей ординаторской, ни канонады, ни танковых залпов. Равнодушие – вот причина. Так всегда и бывает: идет война, она уж под боком, а ты сидишь себе и не дуешь в ус.

Я давно там не был. Может быть, Лепрозорий отремонтировали? И сделали, наконец, баню. Или, допустим, ясли. Или нет, вот же: Даун-Хаус! По телевизору постоянно показывают рекламу: строительство Даун-Хаусов в Разливе. А я-то гадал – где это будет? Места-то знакомые! Великолепная мысль.

Даун-Хаусы и целые Даун-Тауны. Но я бы пошел дальше. Я бы построил там филиал морской резиденции Президента. Море близко, Константиновского дворца – мало. Стоит резиденция, а вокруг – Даун-Хаусы.

Противостояние

Жадность, по-моему, вполне уважаемое и естественное чувство. Оно свидетельствует о любви к жизни, о желании вцепиться в эту жизнь и не разжимать челюстей. В ту, какая есть, потому что с другой будем разбираться в другое время и в другом месте.

Вот был у меня, например, очень жадный начальник по фамилии Раппопорт, я о нем немного уже писал. Зубной техник в Сестрорецком курорте, под финансовым началом которого я слегка позаведовал нервным отделением.

Старый, но крепкий, отчаянный жизнелюб. Неисчерпаемая энергия. Зажимал наши денежки, прокручивал в банках, хотя и денежки-то были несерьезные. Помню, как он возмущался, когда вышел указ приобрести кассовый аппарат. А иначе – расстрел.

– Мне этот аппарат нужен, как зайцу триппер! – орал седой Раппопорт. – Я и с аппаратом обману, если мне надо будет! Не беспокойтесь

!Но вот однажды он нарвался на себе подобного. Этот ему подобный равный положил в наше отделение свою безнадежную дочку, подлечиться. И деньги не перевел. Неделю не перевел, вторую не перевел. Четвертую неделю бабло не перевел. Раппопорт ездил к нему на городскую квартиру, скакал под окнами первого этажа, выкрикивал кредитную серенаду. Тишина.

И вдруг они каким-то чудом пересеклись у Раппопорта в кабинетике. Минуточку... Минуточку... Да это же директор местного кладбища! старый знакомец! тот еще прохождец!

– Ты?!...

– Да я тебя...

Да смеяться ли или плакать?...

И стали насакивать друг на дружку, задыхаясь и отдуваясь. Сошлись два начала: жизнь в лице больничного отделения и смерть в лице погоста. Короче говоря, кладбище победило. Повелитель теней не заплатил.

И в этом мудрость, потому что мертвое всегда побеждает живое, и пусть это живое упорствует и возрождается в виде листиков и бутонов, но потом оно обязательно накроется, как и все, сразу и мгновенно, со всеми звездами, созвездиями и планетами. И нужен какой-нибудь хитрый финт, чтобы объегорить всю эту систему. Нам этот финт туманно пообещали, так что осталось ждать, когда из длинной похоронной машины выйдет бог в бобровой шапке и все устроит.

А иначе жди, когда переведут эти бабки.

Киса

Маменька рассказала, как ней в женскую консультацию при роддоме регулярно приходит киса, рожать.

Кисе выделили коробочку, и все хорошо, чистенько. За каждым детенышем рождается послед, который киса сразу аккуратно съедает.

– Не то, что у людей, – проговорила маменька.

Действительно: привезли одну, а у нее ноги от грязи, будто в валенках.

«Как же так?»

«Я не знала, что сегодня поеду рожать».

Где ты была сегодня, киска? У королевы у английской.

Не на что посмотреть, кроме мышки. Действительно.

Таракан

Палата. Обход. Бабулька: лежит, сияет.

– Ко мне, лапушка, тараканчик заполз, маленький такой премаленький таракашечка; все ползал, ползал; я вот его, доктор, в спичечную коробочку положила, спрятала, вот он, в платочке завязан, сейчас-сейчас...

– Подождите, бабушка, подождите; к вам еще один доктор придет, ему покажите.

(Опасения: не обидеть бы!)

На следующий день:

– Лапушка ты мой, доктор, вот спасибо тебе, такого доктора мне прислал; он такой добрый, все внимательно выслушал, посмотрел, поговорил со мной...

– Ну, бабушка, теперь к тебе этот доктор будет часто ходить.

Обман, как ни грустно; больше не приходил. Запись, которую не могу не повторить, хотя она уже где-то звучала: «Паранойяльный синдром малого размаха».

Ядро

Был у нас на курсе один пламенный юноша. Напились мы с ним как-то до редких чертей; он приступил ко мне, взял за пуговицу и, качаясь, начал вербовать:

– Приходи в наше СНО! (Он ходил в психиатрическое СНО). Мы... мы создадим психиатрическое ядро... узкий круг знающих людей!... Установим диктатуру!... Мы заберем власть.

Но, насколько я знаю, ему так и не удалось скovyрнуть пациентов с трона.

Осталось напевать: как молоды мы были. Первый тайм мы уже отыграли.

Качок

Не все больные запоминаются. Не приведи господь. Но некоторые запоминаются очень неплохо. Из ада, набитого под завязку, вдруг высовывается искаженное лицо.

Однажды, когда я еще трудился в поликлинике города Петергофа, мне принесли толстую карточку и приказали ехать к ее прототипу на дом. Все, кто видел эту карточку у меня в руках, качали головами и повторяли:

– Ой! Ой!

– У него болезнь Бехтерева, – объяснили мне коллеги.

Болезнь Бехтерева – пренеприятная вещь. Хребет костенеет вместе со всеми связками и дисками. На снимке он похож на бамбук. Все это дело, конечно, страшно болит и не лечится.

– Его уже все знают, – объяснения продолжились. – Все разводят руками. Он уже везде лежал. А теперь вызывает на дом. Нарочно качается на своем горбу, как на качалке, вот увидите.

Я, человек подневольный, поехал. Мне открыл старичок. Он сразу начал махать руками и едко жаловаться. Я кивал и не видел возможности его утешить. Дедуля тем временем, сверкая очками, вел дело к торжественной развязке, своему коронному номеру.

– Вот посмотрите, посмотрите! – закричал он.

Подбежал к столу, сорвал с него скатерть, привычно лег на горб и стал качаться, как игрушечная лошадь. В седой щетине застыла улыбка. Остановившиеся глаза уставились в потолок.

Я никак не мог понять, шутит ли он или не шутит.

Он хотел произвести на меня впечатление, разбудить в медицине совесть – а может быть, в Боге, но увлекся и качался уже от души. Он приспособился к жизни, и стало не так уж и больно. Экзистенция трансформировалась в адекватный ее содержанию перформанс.

Кроме шуток – я считаю, что это мужественное и гордое решение, даром что бессознательное. Я вовсе не хочу оскорбить память о старичке, но если бы Квазимодо не истекал слюной по недоступным цыганкам, а покачивался себе на хребте, довольствуясь тем, что есть, то помер бы в мире и даже с кукишем в кармане.

Смотрю я вокруг, не забывая про зеркало, и думаю, что это многим хордовым нарек. Всем, если подумать.

Беседка с выездом для кибитки

Иногда у меня возникала блажь преобразиться в провинциального Ионыча. Или в спивающегося деревенского доктора Астрова.

Позвали за доктором, он загрузился в кибиточку, поскакал. Кругом непогода, вьюга, гроза. Или, наоборот, сонные сумерки, сенокос удался, коровы мычат, туман ползет, пыль клубится.

Приехал в имение, помыл руки. Поосязал барина, почмокал ртом, назначил пиявок и отвар из лопуха. Тут тебе дородная евдокия выносит на подносе пирог и большую рюмку водки.

– Оставайтесь, доктор, с нами обедать, – предлагают гоголевские хозяева, а дочка у них вся тургеневская и краснеет. Потому что за дверью страдает разночинный учитель музыки с патлами, которому в петрашевцы уже поздно, а в РСДРП еще рано.

И водится там дальняя родственница, вечная приживалка и компаньонка, тоже краснеет, но она уже умудренная жизнью, ее-то нам и надо. Если не в спутницы жизни, то хотя бы в поводы к тоскливому запою от неразделенной любви.

Роса, беседка, сверчки, бесперспективный чеховский диалог.

Правда, Михаил Афанасьевич писал чего-то про мялку, в которую попала нога, и эту ногу пришлось отрезать. И еще про солдатский зуб, который драть. И роды всякие – нет, этому я не обучен. Никакого распределения ответственности по десяти отделениям.

К тому же мои глупые грезы отчасти сбылись. Я лечил не только городское, но и сельское население.

Ходил в областной кардиодиспансер и консультировал там пригородную публику. С нею приходилось тяжело.

Однажды я напоролся на одного деятеля, которого незадолго до того выписал из своей больницы – и нате, он уже здесь. Тот насупился, опасаясь, что я всем расскажу, что он там вытворял и как себя вел, но я не стал портить людям сюрприз, сами увидят. Бог с ним, он городской был.

С деревенскими бывало так:

– И когда же вы заболели?

– А когда сарай горел.

– А когда сарай горел?

– Да как соседи сгорели.

Ну ее, деревню, красным поясом перепоясанную.

Женский батальон

Когда реальность заканчивается, начинаешь обращаться к чужому творчеству, которое тоже реальность. Строишь на нем что-то свое. Это и есть постмодернизм.

Собрался я написать какую-нибудь медицинскую историю – и ничего не могу вспомнить. С горя стал смотреть фильм «Свадьба в Малиновке», к которому и раньше относился подозрительно, а нынче он показался просто отвратительным, с его-то гороховыми плясками. И вдруг, глядя на Пуговкина с его предколхозным стадом, припомнил, что у меня тоже наберется своего рода Женский Батальон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.